

Фантастические миры

Константин КАЛБАЗОВ

ФРОНТИР

ДОРОГА НА ДВОИХ

Константин Георгиевич Калбазов

Фронтир. Дорога на двоих

Серия «Фронтир», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6606194
Фронтир. Дорога на двоих: Альфа-книга; Москва; 2013
ISBN 978-5-9922-1649-3

Аннотация

Отправиться в дикую степь, живущую по своим законам. Вступить в схватку с озлобленными аборигенами, жаждущими твоей крови. Переступить через себя ради того, чтобы разыскать друга, которого уже давно считаешь мертвым. Заслонить собой боевых соратников и чудом избежать смерти. Согласитесь, сложный путь, но неужели бывает сложнее? Как оказалось, бывает. Разумеется, если ты собираешься использовать предоставленный шанс, а не прожить простую и серую жизнь в сытости и довольстве. И ведь есть такая возможность. Но отчего-то, стиснув зубы, ты выбираешь другой путь – тернистый и опасный.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	60
Глава 3	95
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Константин Калбазов

Фронтир. Дорога на двоих

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Куроки

Выбеленный потолок из плотно подогнанных досок. По центру висит керосиновая лампа. На стекле – незначительные следы копоти. Как видно, за чистотой тут следят тщательно, если не забывают регулярно мыть его. Можно было бы подумать, что лампой пользуются не очень давно, но это не так. На корпусе явно видны следы потертостей и облупившаяся краска. Вещь уже давно не новая.

Сейчас на кончике фитиля пламя отсутствует. В этом нет необходимости, солнечный свет заливает все помещение через окна. Они не такие уж и большие, но со своей задачей вполне справляются. Да и комната сама по себе очень светлая, с белыми стенами из ошкуренных бревен.

Находится она явно не в новом строении. Деревянные новостройки пахнут по-особенному, а это уже успело изрядно пропитаться ароматами жизнедеятельности человека, давно поглотившими запах дерева. Капитальное строение. Ставили его с тщанием, присущим тем, кто трудится не за страх, а за совесть.

В больничной палате он был один. Отчего такая уверенность насчет больнички? Так ведь просто все. Вокруг витают неистребимые ароматы, присущие только лечебным заведе-

ниям. Ни с чем иным их не спутаешь. Опять же, деревянные кровати, выстроившиеся в ряд, со стоящими возле них тумбочками и табуретами в ногах. Всего здесь десять кроватей, на семи матрацы скатаны к стене, еще две – расстеленные.

Разве только большая доска на глухой стене слева и стоящий перед ней стол со стулом выбиваются из общей больничной картины. Ни дать ни взять учебный класс. Еще здесь имеются сколоченные из тщательно оструганных досок стеллажи. И все же сомнений в том, что это именно больничная палата, нет.

Других обитателей не видно. Скорее всего, они сейчас на улице. День погожий, так чего тереться в помещении, если можно провести время на свежем воздухе. Сергей скосил взгляд на распахнутое окно, откуда легонько веяло прохладой. Получается, что сейчас утро. Днем или вечером воздух был бы куда более прогретым.

Итак, он в больнице или госпитале. Нет, вряд ли это госпиталь. Вернувшиеся на заставу после ранений шевроны рассказывали, что даже там их содержали в каморках с решетками на окнах и часовыми за дверью. Здесь же ничего подобного нет, во всяком случае, решеток на трех видимых ему окнах не наблюдается. Что там с охранником – бог весть, но, скорее всего, и его нет. Какой смысл нести службу за дверью, если для побега можно воспользоваться окном.

Ну и как он мог сюда попасть? Неужели Грибски с другими шевронами успели прийти на помощь троим разведчи-

кам, оказавшимся отрезанными от остального патруля? Да нет же, это еще более фантастично, чем то, как он оказался в этом мире.

Хотя... Вряд ли может быть что-либо более фантастичное, чем это. События последних лет сами собой начали всплывать в его сознании. С другой стороны, заняться все одно нечем. Попытка пошевелить ногой или рукой успехом не увенчалась. Хотел было позвать кого-нибудь – тоже безрезультатно. Из пересохшего горла удалось выдавить только еле различимый сип и заполучить ощущение прошедшегося по глотке наждака. Остается только ждать и вспоминать.

Эта история началась два с половиной года назад, если он, конечно, не провалился в беспамятстве слишком уж долгое время. Сергей Варакин тогда жил в родной сибирской деревеньке и занимался тем, чем занимались все в их роду? – был охотником-промысловиком. Жил не тужил, проводя половину года в одиночестве на промысле. Была у него избушка, где он зимовал вместе с собаками и лошадью. Коротал долгие зимние ночи за чтением. Книг у него на зимовке было всегда много.

И кто бы мог подумать, что это его увлечение фантастикой может обернуться явью. В последнее время стало популярным такое направление, как «попаданцы». Попадали наши современники в самые разные миры – кто в прошлое, кто в будущее, кто в сказочную страну с магами, эльфами, орками и другими прелестями. Вот и он попал. Только в отличие от

героев так нравившихся ему книг прогнуть этот мир у него никак не выходило, скорее уж сам мир измывался как хотел.

Так вот. В их деревеньке появился некий ученый Болотин Алексей, которому нужен был проводник в глухой уголок тайги. Нет, потом-то выяснилось, что он никакой не ученый, а просто авантюрист, энтузиаст и охотник за различными аномалиями. Дилетант, одним словом. Н-да. Это еще мягко сказано.

Как-то в его руки попала рукопись о портале, ведущем то ли в параллельный мир, то ли вообще на другую планету, схожую с Землей. Вот он и загорелся идеей изучить его. Правда, имелась одна сложность – портал открывается раз в сто лет, и нужно было поспеть к определенной дате.

Они успели. Портал действительно существовал и предстал перед горе-исследователями во всей красе. А потом выяснилось, что Болотин напутал с датами, не учтя перехода России на новое летосчисление. Вот из-за этой оплошности они и оказались неизвестно где, и предстояло им провести тут всю свою жизнь.

По счастью, никаких магов или всякой нечисти здесь не оказалось. Тут проживали обычные люди, разве только уровень их развития соответствовал середине девятнадцатого столетия на Земле. В чем-то они ушли вперед, в чем-то отстали, но в общем и целом очень похоже. Мало того, место, где они оказались, напоминало Америку.

Впоследствии они, насколько возможно, ознакомились с

картами этого мира. Нашлось много общего с Землей, но хватало и отличий. Это уверило их, что Глобус вовсе не другая планета, а скорее все же параллельный мир. Почему Глобус? Просто у местных слова, обозначающие планету и макет этой планеты, совпадали, только название было уж больно заковыристое, вот и переименовали ее пришельцы по аналогии в Глобус.

Оказались они как раз на границе освоенных земель с территориями, населенными местными аборигенами. Эдаком Диком Западе. Вынужденные выживать в условиях фронта, они решили сначала изучить язык и хоть как-то подготовиться к переезду в более цивилизованные места. Сергею в принципе нравилось и здесь. Он и раньше вел образ жизни, далекий от благ этой самой цивилизации. Чего не скажешь об Алексее, стремившемся вырваться из такой глухомани.

Как бы то ни было, но начинать приходилось отсюда. В конце осени на хутор приютившего их семейства Кафка напали бандиты. Сергею и Алексею удалось перебить банду, и вот с этого момента начались беды.

Алексей прикарманил похищенные деньги. Ничего не знавшего об этом Сергея начали обвинять в краже, угрожая смертной казнью. В какой-то момент он запаниковал и решил прорываться из форта Опань, где его тогда содержали. Побег не удался, но в ходе потасовки он убил одного полицейского. Как следствие – приговор к двум годам каторги, равносильный смертному, так долго там еще никто не вы-

держивал.

Алексей во время попытки вернуть деньги был убит. Сергею заменили каторгу на два года службы на пинкской территории в качестве черного шеврона, так тут называли штрафников. Вот так он и оказался на заставе у берега реки Мравы, в сердце земель племени арачей, настроенных крайне враждебно ко всем белым.

За год, проведенный в опасном месте, он успел заматереть, обрести боевой опыт, найти новых друзей и стать десятником. Тяжкий год выдался. Сколько раз бывало такое, что думал – все. Но удача была на его стороне, и из многих передраг он выходил с минимальными потерями. Когда он с друзьями влип в последний раз, решил – это конец. Он помнил, как пуля, проломив пластину бронежилета, впилась в тело, как его сбила лошадь, и довершил начатое сильнейший удар ногой в голову, который нанес проносящийся мимо всадник арачи. Но, похоже, опять обошлось.

Интересно, где он сейчас? И как такое вообще могло случиться? Как ему удалось опять избежать встречи с костлявой? Он мог быть уверенным только в одном: лично его заслуги в этом не было никакой. Парни смогли отбиться от наседавших пинков?

Сомнительно. Он отчетливо помнил, как тряслись его руки. Как, выпустив весь магазин «дятлича», а это, на секундочку, шестнадцать патронов, он сумел попасть только раз, да и то случайно. Его друзья Ануш и Хват, конечно, стрелки

хорошие, да только после длительного бега состояние у них было ничуть не лучше, а потому сомнительно, чтобы они показали снайперскую стрельбу.

Остается только помощь от сержанта Грибски. Просто неоткуда больше было прийти подмоге. Но об этом уже говорилось. Нереально. Вырвавшийся из засады патруль мог оказаться на заставе только через несколько часов. Потом столько же на обратный путь... Но если это не Грибски, то кто? И вообще, где Ануш и Хват? Выжили или посчастливилось только ему?

Послышались голоса. О чем говорят – не понять, звуки приглушаются закрытой дверью. Но вот она открывается, и в комнату вваливаются двое, одетые в исподнее. У того, что поменьше, фигурой напоминающего квадрат, на голове красуется белая повязка, и движется он как-то неуверенно, сильно опираясь на второго. А второй, с левой рукой на перевязи, выглядит не таким широким в плечах, и дело вовсе не в том, что он немного уступает первому, просто он на полголовы выше.

При виде этой странной парочки, эдаких Штепселя и Тарапуньки, Сергей едва не проронил скупую слезу, и ком сдавил горло. Он произвольно попытался вздохнуть, но грудь отозвалась острой болью, отчего перехватило дыхание.

Ануш и Хват, его соратники и друзья. Господи, как такое могло случиться? Они все трое выбрались из этой передраги. Невероятно, но это факт. Вряд ли на небесах есть необ-

ходимость расхаживать в повязках, так что они все еще на грешной Земле, точнее, на Глобусе, что, собственно, не имеет никакого значения.

– Стой, Ануш. Давай-ка передохнем.

– Я не устал, – упрямо пробурчал невысокий широкоплечий парень.

– А я разве сказал, что ты устал? Мне-то отдохнуть можно? Ты вроде и похудел, но, знаешь ли, легче от этого не стал.

– Тебе? Ну давай передохнем, – тяжело привалившись к дверному косяку, снизошел услышать просьбу друга Ануш.

Короткого взгляда было достаточно, чтобы понять, что отдых нужен как раз бывшему хуторянину, а никак не вору. Впрочем, тоже бывшему. Сейчас они черные шевроны, военнослужащие по приговору, призванные выполнять самые безнадежные и рискованные поручения. Впрочем... С последним утверждением придется еще разобраться.

Если Грибски или еще какое армейское подразделение не имеет отношения к их спасению, то очень даже может быть, что они сейчас являются дезертирами. При таком раскладе они уже превратились в желанную добычу для охотников за головами. С другой стороны, если спасители сообщили о них в Крумл, то не все так плохо. Поправятся и вернутся дослуживать оставшийся срок.

– Ты смотри, приятель, а командир-то очнулся.

При этих словах Хвата Ануш тут же устремил взгляд на Сергея. Сказать, что в глазах друзей плескалась радость, –

это не сказать ничего. Они разом рванули к его койке, Бартова даже практически не опирался на здоровую руку друга.

– Командир, ты как? Слышишь меня? – выстрелил вопросами Хват.

– А почему я не должен тебя слышать? – С трудом разлепив губы и чувствуя пульсирующую боль в висках и затылке, в свою очередь спросил Варакин.

– Ну наш хуторянин только на второй день сумел меня услышать, – не выдержав, ухмыльнулся Хват, поймав недовольный взгляд Ануша.

– Где мы? Почему вы не ушли в плавни? И что вообще случилось?

– Не все сразу, командир. Сначала про плавни. Так вот, мы бежали настолько быстро, что почти не промахнулись. Всего-то на полверсты. Ага. Не успели бы мы до них добраться. А вот что случилось... Я сам толком так и не понял, хотя уж кому-кому, а мне по голове ни разу не прилетело. Как раз у того места, где мы приняли бой, к берегу прибился валлийский пароход с баржей. Вот его-то экипаж и помог нам отбиться от арачей. Ну и наши гранаты сказали свое слово. Короче, как только арачи поняли, что вместо парочки стрелков против них уже около двух десятков, то тут же повернули назад. Ну и, как назло, нас с Анушем приласкали уже в самом конце, ему по голове, мне по руке.

– Значит, мы в Новой Валенсии? Почему тогда нас не передали на заставу? Ведь им все одно нужно было проходить

мимо. Или пароход шел вверх по Мраве? Тогда мы в Крумле. Но почему не под замком?

– Ни то ни другое. Когда мы вышли на берег, пароход приткнулся баржей к берегу. На нее как раз заканчивали грузить лошадей, но отойти уже не успевали.

– Грузили лошадей?

– Ну да. Там почти весь экипаж состоял из куроки.

– Куроки?

– Сам ни лукавого не понял. Знаю что, валийцы сошли с парохода, как только отошли от мелководья. Что мы на пинкской территории. Если быть более точным, то у куроки, где-то очень далеко в их землях. Где, что и как – не спрашивай. Понятия не имею. Мы вроде как и не под арестом, но в то же время под присмотром. Трое воинов куроки постоянно ошиваются рядом, к домику нашему посторонние не подходят, и нам отходить далеко нельзя. Народу в госпитале хватает, но тут мы только втроем, никого больше не подселяют.

– Странно. И ничего не объясняют?

– Я пытался было поговорить с доктором, но тот сказал, чтобы я потерпел. Мол, нам все объяснят, но позже. Ах да. – Хват поднялся с соседней койки и выглянул в окно. – Меткая Стрела, скажи доктору, что командир пришел в себя. Он просил сразу сообщить, как только ты очнешься. – Это уже к Сергею.

– Буран, Гром? – продолжал расспрашивать Сергей.

– Предатели, – с показной обидой пробурчал Хват.

– Нормально с ними, Сергей, – отмахнувшись от вора, наконец заговорил Ануш. – Когда ты остался, они с нами побежали, а потом, когда завертелось, двоих загрызли.

– Во-во. Командир, а ты уверен, что мамашу их повязал именно с собакой, а не с котом каким. Прыгучие, аж жуть, – не утерпев, перебил друга Хват, вызвав у того опять же показную гримасу недовольства, словно зуб заболел. Ну да, Хват, он и есть Хват, что с него взять. – Это же надо было умудриться – добраться до глотки всадников. Пинкские лошадки, они, конечно, так себе, не больно-то и высокие, но все одно интересно получилось.

– А чего ты хотел? – слегка пожав плечами, стараясь не потревожить голову и грудь, ответил Сергей. – В них кровь охотников на пушного зверя. Мать Грома, та вообще умудрялась забраться по гладкому стволу на два человеческих роста.

– Ага, тогда понятно. Да не переживай, нормально все. Их даже не поцарапали. А вот как только сюда добрались, так эти паразиты рванули по округе. Только к вечеру и возвращаются, и то не всегда, причем каждый раз потасканные, как будто всю ночь пахали в борделе.

– Получается, здесь в округе хватает стойбищ?

– Спроси что полегче. Нас дальше чем на пять шагов от домика не отпускают.

– Ладно. А сколько я в отключке-то был?

– Сегодня ровно неделя. Доктор сказал, что если не оч-

нешься в ближайшие день-два, то тебе конец. Но теперь вроде должно быть нормально.

– Значит, повезло.

– Именно что повезло, любезный, – менторским тоном сообщил появившийся в дверях доктор. Самый натуральный. В белом халате с завязками на спине, таком же чепчике, отдаленно походящем на медицинский колпак, впрочем, в этом мире все доктора носили такие. На переносице – настоящее пенсне, со шнуром, уходящим под горловину халата, куда-то на грудь, или, скорее, к кармашку жилета. Ну не мог он не иметь жилета, так как на нем были брюки и ботинки.

Только одно не соответствовало знакомому образу. Доктор был явным представителем пинков. Краснокожий, с длинными черными волосами, разве что не заплетенными в косы, а забранными в конский хвост. Было что-то неестественное в том, как этот куроки (ну а кто еще-то) ходит с важностью заправского светила медицины, хотя его внешность требовала от него кошачьей грации, несмотря на то что ему было под пятьдесят. Правда, у пинков с возрастом после тридцати можно было легко ошибиться.

– Господа, прошу вас отойти к своим койкам, пока я буду осматривать вашего друга.

Хм. Закрой глаза – и ни дать ни взять самый натуральный рустинец, говорит совершенно без акцента. Сергей хотя и не смог избавиться от такового у себя, умел различать чистую речь. Ну и что бы это все значило? Господи, да сколько во-

просов у него за последнее время. Все сыплет и сыплет ими, не находя ответа.

Осмотр продлился не так чтобы и долго, минут пятнадцать, не больше. Не было никаких анализов, никаких приборов, если не учитывать слуховую трубку, которую доктор прикладывал к груди Сергея. В остальном подспорьем врачу были только его руки. Ими он мял, простукивал, внимательно вслушиваясь и вглядываясь в реакцию пациента.

– Ну с раной на груди полный порядок. Конечно, она еще не зажила, но опасений не вызывает, как и сломанное ребро. Немного времени – и будете как новенький. Когда говорите, голова болит?

– Пульсирует в висках и затылке.

– А сейчас?

Доктор вдруг возвысил голос настолько, что, казалось, голова лопнула, как переспевший арбуз. От нестерпимой боли Сергей сжал ее руками, пытаясь помочь, чтобы она не раскололась. Обхватил руками? Ведь еще совсем недавно он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

– Спокойно, спокойно, все хорошо. – Голос доктора теперь журчал ласково и успокаивающе, как вода в ручье. – Значит, от громкого звука сильные боли? Понятно. То есть хорошего, конечно, мало, но, думаю, с этим мы справимся. Не обещаю, что вы избавитесь от головных болей, придется носить с собой травяной настой, но, опять же, жить будете. Главное, что вы пришли в себя, остальное уладится.

– Доктор, а как вас зовут? – не удержался от вопроса Сергей.

– Хитрый Змей. Находите странным, что при своем занятии я имею пинкское имя?

– Признаться, меня вообще все удивляет.

– Это только начало. Дальше удивительного будет гораздо больше, уверяю вас. Но, предвосхищая ваши вопросы, отвечу сразу. Я вам ничего рассказывать не буду. Вам и вашим друзьям придется немного обождать. Вот окрепнете, тогда и будете задавать вопросы. Хват.

– Да, док.

– Я пришлю настойку. Как только покормишь его, дашь выпить одну стопочку.

– Как Ануша, усыплять будем?

Это что? Он не ослышался? Все это Хват? Он, как наседка, ухаживает за ранеными друзьями? Однако. Но как еще можно назвать то, как эти двое вошли в палату? Именно наседка, иначе и не скажешь.

– Да. При контузиях сон – первое лекарство, – ответил бывшему вору доктор. – А как только проснется... Впрочем, я все распишу. Прошу простить, но сиделкам не положено общаться с вами, так что приходится во всем полагаться на вашего друга. Вы не переживайте, у него хорошо получается. Если уж он вас двоих умудрялся кормить бульоном, когда вы были в беспамятстве, и обихаживать в остальном, то и с этим справится.

При этих словах бывший вор покрылся такой краской, что хоть костер запаливай. Сергей же взглянул на него с совершенно другой стороны. Он и раньше считал этих двоих своими друзьями, а теперь... Это было нечто иное, более близкое, теплое и трепетное... Братья? Быть может, и так. Скорее всего, так.

Дни в госпитале потянулись однообразные, похожие один на другой. Поначалу большинство времени Сергей проводил в сладких объятиях Морфея. Но теперь это было не полное забытие, он спал и видел сны. Порой они были черно-белыми, порой цветными, но всегда приятными. Только однажды ему приснился дурной сон. Да и дурной ли? Он видел Алексея. Нет, не растерзанный труп и даже не того Алексея, которого он знал. Этот сильно отличался от прежнего друга. У него все было в порядке, он прекрасно себя чувствовал, находясь в окружении незнакомых женщин и мужчин. Кажется, это было что-то вроде бала.

Хороший сон, вот только проснувшись, Сергей погрузился в хандру. Еда была безвкусной, шутки Хвата не цепляли. Насупившийся из-за состояния Варакина Ануш также не способствовал поднятию настроения. Впрочем, чему удивляться, если грудь сдавило тисками от чувства тяжелой утраты. Все же Алексей был ему не чужим. Конечно, между ними не было кровного родства, но так уж случилось, что и ближе него у Сергея никого не было.

Однако прошло не так уж много времени, и Хват все же сумел расшевелить прикинувшегося поленом друга. Да, Алексей – это большая утрата. Но кто сказал, что Варакин остался один? Вот, рядом друзья, которые стали ему такими же родными. Болотин, конечно, земляк, единственное, что связывает с родиной, но и эти двое ему уже давно не чужие. А еще есть Эмка, которая ждет его на отцовском хуторе, молясь за него Создателю.

Конечно, прошло уже изрядно времени, но Сергей ничуть не сомневался в отношении девушки. Как пить дать ждет и надеется. Интересно, как оно повернется, когда до них дойдет весть о пропаже Сергея и Ануша. Ведь Бартова тоже вроде как в будущих зятях у хозяйственного хуторянина Кафки. Хотя... Тут-то как раз уверенности у Сергея не было. Сарка всегда боялась остаться в старых девах и всячески старалась найти себе жениха.

Конечно, Ануш – хорошая партия, но станет ли она его ждатель – вопрос. Опять же, младший сын, ни кола ни двора. Она практичная девушка, а потому, если появится какой-нибудь претендент, скорее всего, своего не упустит. Жаль, если так. Ануш по-настоящему хороший парень и будет опорой для своей семьи, а в здешних местах это подчас подороже трудолюбия ценится. Что толку обзаводиться семьей, пахать, сеять и разводить скот, если ты все это не сможешь защитить.

Настал день, когда Сергей с помощью друзей сумел под-

няться и выйти на улицу. Господи, как же хорошо просто посидеть на завалинке, в приятной прохладе, вдыхая свежий, а не уже надоевший пропитанный больничным духом воздух. А еще вцепиться зубами в горячий кусок мяса, хорошо пропеченный и сочный до одурения. Это Меткая Стрела, один из их охранников, расстарался по просьбе Хвата.

Охрана – это вообще отдельная тема. Вот вроде и охраняют: и дальше чем на десяток шагов от отдельно стоящего домика не отпускают, и другим не позволяют приблизиться, а чувствуется, что смотрят на них с нескрываемым уважением. Вначале, когда Сергей был совсем уж слаб и парням было не управиться с ним, они без намека на недовольство выносили его на улицу и устраивали в тени. Опять же, мясо вот приготовили, чтобы побаловать раненых. И о собаках заботились.

Ну как заботились. Те их к себе не подпускали, воспринимая как нечто неизбежное. К примеру, принимать пищу из рук шевронов на заставе они не стеснялись, а Гром так и вовсе мог потребовать свою долю, если уговоры не действовали, но к курокам такого отношения не было. Когда пинки пытались их накормить, то неизменно нарывались на утробное и угрожающее рычание. Тут или Хват, единственный ходячий с самого начала, брал еду и предлагал питомцам, или они сами уходили на охоту.

Сергей в очередной раз глубоко вздохнул, благо острой боли уже не было, а только какая-то ноющая, как бы застарелая и вполне терпимая. Потом поднялся и прошел выше

по склону. Охранники покосились было на него, но потом успокоились. Подопечный направился немного в сторону от строений только для того, чтобы охватить взглядом общую панораму. Убежать не сумеет, слишком слаб, пообщаться с кем-либо тоже не получится. Ну и пусть его смотрит. А может, получили какие дополнительные инструкции, раньше-то такое не позволялось.

Госпиталь расположился на пологом склоне горы, на самой кромке покрывающего ее леса. Благодаря этому здесь хватало мест, чтобы укрыться от палящих лучей солнца, и сам воздух был более прохладным, чем на равнине. Само лечебное заведение состояло из трех строений. Большого барака, возле которого сейчас бродила дюжина мужчин в исподнем, причем как белых, так и пинков. Это главный лечебный корпус. По бокам от этого барака стояли два домика-близнеца. Один из них занимали Сергей с товарищами, в другом обитал медицинский персонал. Там располагались аптека, операционная и кабинет доктора.

Не сказать, что с ними особо откровенничают, но и скрыть все невозможно. Опять же, появилось дополнительное послабление, иногда им стали позволять общаться с персоналом госпиталя. Не тюрьма ведь. Поэтому хотя и скудная, в виде оговорок или ответов на невинные вопросы, информация все же поступала.

В их домике, разделенном на две части, обычно жили медицинские сестры. Они занимали правое крыло, сейчас за-

крытое. В левом располагались ученики доктора, там же проходили и занятия. Поэтому их помещение чем-то походит на класс. В настоящее время домик очистили от посторонних из-за странных то ли пленников, то ли гостей.

За домиком доктора видны две большие армейские палатки из парусины. Там сейчас располагаются обитатели строения, выделенного для проживания Сергея и его друзей. Странное поведение. Очень странное. Сергей хотел было расспросить об этом подробнее, но Хитрый Змей только отмахнулся. Его задача – поставить раненых на ноги, остальное не его заботы. А еще над всеми строениями и палатками развеваются белые флаги с красным кругом и кулаком в центре. Это признанный во всем цивилизованном мире знак, что-то вроде красного креста на Земле.

Есть еще одна постройка, но там никто не живет. Это склад, где хранится имущество госпиталя и продовольствие. Там же находится и кухня. Все же народу тут изрядно, и централизованное питание вовсе не лишено основания. А вот отдельной столовой нет. Пищу разносят в баках, напрямую по палатам. Поддержание в чистоте посуды – это уже полностью забота пациентов, сестры милосердия ухаживают только за лежачими. А вот в случае со странными гостями одно время этот вопрос целиком и полностью лежал на Хвате. И как только он справлялся со всем этим с одной рукой?

Ну и, разумеется, ограда. Ничего такого, что могло бы остановить человека. Так, довольно высокий плетень, позво-

ляющий уберечься от зверья. Не сказать, что животные вокруг ходят стадами, все же человек внушает уважение и опасение, но случаи бывают разные, а потому лучше подстраховаться.

У подножия склона, на берегу бурной речки, расположился поселок, дворов на двадцать. До него примерно с версту, так что особо не рассмотришь, но, насколько понял Сергей, население там смешанное. И куроки, и белые проживают в обычных деревянных домах, причем первых большинство.

Видны разбитые огороды. За поселком пасется стадо коров голов на двести. Никаких полей нет и в помине, но зато ниже по течению имеется большое подворье, где расположилась дубильня. Здешние жители занимаются выделкой кож и изготовлением кожаных изделий. Когда ветер меняется, порой оттуда доносит запахи, совершенно не напоминающие благовония.

Верстах в пяти от поселка, на одном из холмов, расположен хутор, иначе и не скажешь. Но опять-таки, виден только небольшой клочок обработанной земли, который может быть лишь огородом. Зато имеются огороженные загоны для скота. В малом сейчас видно несколько голов, выделяющихся темными пятнами на зеленом фоне. Правее заметно довольно внушительное стадо. Сергей присмотрелся повнимательнее. Полное ощущение, что это не коровы, а буйволы. Он как-то не слышал о том, чтобы местных буйволов, а скорее бизонов, одомашнивали и разводили.

Хм. Все страньше и страньше. Что бы это все значило? Припомнилось то, что ему доводилось читать о Диком Западе там, на Земле. Было такое племя чероки, они вроде как пытались перенять образ жизни белых, даже имели собственную письменность, фермы, школы, газету. Вот только это не уберегло их от резерваций. Большой брат решил, что индейцам надлежит уступить свои земли белым, даже с учетом того, что эти вроде бы пошли по пути принятия той самой цивилизации, озаренной светочем свободы.

Неужели куроки избрали тот же путь? Если так, то делают они это как-то странно. Таятся от всех. Ведь ни о чем подобном Сергей раньше не слышал. Какие-то разрозненные слухи ходили, но слухи, они и есть слухи. Тем более разговоры были о том, что куроки не чужды перенять что-то полезное от белых соседей. Но то, что сейчас видел Варакин, было куда больше, чем можно предположить. Да один только госпиталь с учениками, постигающими лекарскую науку, чего стоит.

Ну и что тут думать? А пожалуй, и ничего. Слишком много вопросов при минимуме информации. И потом – оно ему надо? Живут себе люди, как им нравится, ну и пусть их. Да кто бы был против. Но ведь любопытно же. Без вариантов, точно не успокоится, пока не выяснит все доподлинно.

Сергей вновь перевел взгляд на поселок. В этот момент на дороге, теряющейся за пригорком, появилась группа всадников. Примерно дюжина воинов в традиционном пинкском

одеянии, без изысков. Разве только во главе находится мужчина с солидным султаном из вроде бы орлиных перьев на голове. Какой-то вождь, не иначе.

Простых воинов с подобными головными уборами можно встретить только на празднествах, правда, перья в них разные, различающиеся по статусу. В повседневной жизни такие султаны несколько неудобны, поэтому мужчины предпочитают обходиться парой перьев, приколотых к косам или прикрепленных к тесьме на голове.

Поднимая пыль, отряд на рысях проследовал к одному из домов и спешил. Потом вождь прошел в дом вслед за встречающим его на крыльце хозяином. Но, как видно, это была только дань уважения одного начальствующего лица к другому. А может, просто заскочил поздороваться с родственником. Кто именно живет в том доме, Сергей понятия не имел, как не знал и то, какая тут система управления. Скорее всего, здесь тоже имелся какой-нибудь вождь, потому как хозяин был одет на пинкский манер. Впрочем, это мог быть и белый, предпочитающий практичное одеяние аборигенов. Слишком далеко, чтобы рассмотреть детали.

Пробыв в доме совсем немного, вождь вновь появился на крыльце и легко взлетел в седло. Впрочем, это только так говорится, седла как такового могло и не быть, большинство пинков ими не пользовались. Это вызвано не желанием держаться за старину, а дороговизной подобного изделия. С другой стороны, насколько успел заметить Варакин, абори-

гены с удовольствием перенимали полезное, а седла отличаются удобством. Так что у вождя, скорее всего, седло все же было.

– Нормально. А меня сюда осмотреться не пускали, – обиженно заявил подошедший Хват, как всегда светясь лучезарной улыбкой.

Несмотря на то что Хват был ходячим, осмотреться нормально он действительно не мог: обзор загораживал высокий плетень. Над ним, конечно, кое-что видно, но не так чтобы много. Только голая степь. Чтобы охватить взором сегодняшнюю панораму, ему нужно было подойти к этому месту или заглянуть в прореху ограды. Ни туда, ни сюда его раньше не пускали.

– Не иначе как на них действует мое имечко.

– Ага. Верная Рука, та еще диковинка. Хоть к тебе примазаться, – осматривая панораму, согласился Хват. – Ну что, командир, опять вопросов больше, чем ответов? – явно растерянно, но с неизменной улыбкой произнес вор.

– А у тебя их нет?

– Да просто уйма.

– Угу. Но что-то мне подсказывает, что сейчас на кое-какие нам ответят.

– И кто же?

– Во-о-он тот отряд. – Сергей указал на всадников, уже направлявшихся к госпиталю.

– А может, кто из них чирей заработал на интересном ме-

сте, или все разом.

– Может, и так. Да только сдается мне, что эти едут по нашу душу.

– Можно начинать бояться?

– Тогда зачем было нас выхаживать? Нечего нам бояться. А вот разговор предстоит. Устал я что-то. Идем присоединимся к Анушу. Вон как ленивый кот развалился в тени, аж завидно.

– Мне-то чего туда идти? Я и тут устроюсь неплохо.

– Чтобы я потом все тебе пересказывал? Состояние не то. Лень. Не захочешь говорить – просто слушай.

– Ну идем тогда, чего уж.

Ожидать прибытия гостей пришлось достаточно долго. Настолько, что Сергей успел усомниться в правильности своих выводов. Может, и вправду у всего этого отряда чирьи повылазили на интересном месте. В доме местного вождя, если это был он, прибывший провел куда меньше времени. А может, все не так и он является военным вождем, возвращающимся из похода.

Жители поселка, судя по всему, не особо на охоту рассчитывают, только разве в качестве подспорья, а на хлеб насущный зарабатывают иным способом. По всему получается, что тут кожевенный промысел развит. А за добычей можно и в поход отправиться. Хотя... Если и так, то вернулись они налегке, да и какой смысл всем подниматься в госпиталь, логичнее разойтись по домам.

Тогда остается другое. Вождь этого поселка или рода – фигура менее значительная, чем доктор, и основной визит всадники нанесут именно к последнему. Вполне логично. Подумаешь, Верная Рука. Не такой уж и пуп земли, чтобы только ради него предпринимать сколь-нибудь значимое путешествие. Да и значимое ли? Может, за тем взгорком, не далее десятка верст, еще один поселок, да не чета этому.

– О. Идут.

Он уже практически уверился в том, что слишком большого мнения о собственной персоне, когда заговорил Хват. Сергей открыл глаза и слегка скосил взгляд влево. Угу. Идут. Двое. Доктор и какой-то незнакомый пинк, с султаном из перьев на голове. Не показалось Сергею издали, перья и впрямь орлиные. Да к тому же горного орла. Они отличаются от обычных как по окраске, так и по величине. Такие носили вожди, имеющие большие заслуги перед племенем.

Надо заметить, мужик не из простых, видно, из очень заслуженных. Об этом говорит не только головной убор, но и то достоинство, с которым он ступал по земле. В отличие от того же доктора в его движениях как раз сквозило изящество хищника, в любой момент готового как броситься на противника, так и отбить атаку. Но вместе с тем держался он как-то величественно, с чувством собственного достоинства. Ну не мог он быть не кем иным, как признанным и уважаемым лидером, и все тут.

Охранники при его приближении подтянулись, наскоро

приводя себя в опрятный вид. Ничего общего с военнотружущими, действующими подобным образом при виде большого начальства. Нет и намек на раболепство. Да и желание произвести благоприятное впечатление тоже отсутствует, это ясно даже последнему болвану. Во всем чувствуется только глубокое уважение и желание не уронить себя в глазах человека, добившегося высокого положения своими деяниями, а не по праву рождения.

Что же, для пинков ты непререкаемый авторитет, а вот для Сергея пока никто и звать тебя никак. Сумеешь показать обратное, может, и он станет заглядывать тебе в рот и ловить каждое твое слово, а пока пусть идет, как идет. Варакин отвел взгляд от высокой статной фигуры приближающегося вождя и вновь закрыл глаза. Надо сказать, яркий солнечный свет их изрядно утомил, едва смежив веки, он почувствовал облегчение, даже пульсирующая боль в висках и затылке поухнула.

– Мое имя Высокая Гора.

Хм. Ну ничего себе. Высокая Гора. Верховный вождь народа куроки. Это понимать нужно. С другой стороны, того народу наберется едва ли тысяч тридцать. Иными словами, градоначальник небольшого города, даже не уездный начальник. Поэтому Варакин отреагировал довольно спокойно, хотя и без хамства. К чему такие крайности? Этот человек ничем не заслужил подобного обращения, и даже наоборот, куроки спасли Сергею и его друзьям жизнь.

С помощью Хвата Сергей поднялся на ноги. То же самое сделали и его соратники. Утвердившись на ногах – все же неприятно, если тебя будет раскачивать, как тополь на ветру, – он посмотрел в глаза мужчине. Они излучали ум, жесткость, волю и в то же время любопытство. Высокая Гора ростом с Сергея, правда, и Варакин не так чтобы мал, но куроки шире в плечах, отчего белый человек несколько терялся на его фоне.

– Варакин Сергей. Пинки называют меня Верной Рукой. Это Ануш Бартова и Хват. Чем обязаны вниманию верховного вождя гордого племени куроки?

– Ты знаешь, кто я?

– Как и ты – кто я. Прости, вождь, но мне немного нездоровится, может, присядем?

– Тогда пойдем в дом.

В дом идти не хотелось, но и здесь расположиться негде. Они не старинные друзья, чтобы разговаривать, сидя плечом к плечу на завалинке. В предстоящей беседе нужно смотреть в глаза друг другу, а бревно одно. Не хотелось идти в больничную духоту, но, видно, придется. Или так, или тащить сюда табуреты. Но тогда получится лишняя суета. Поэтому Сергей согласился с предложением Высокой Горы.

А ничего так мужик. Ушлый. Сразу прошел к преподавательскому столу и уселся на единственный стул, предоставив в распоряжение остальным табуреты или койки. Словом, расставил акценты, кто есть кто. Ладно. Поглядим, что будет

дальше.

А дальше все было до безобразия просто. Сергей решил было, что сейчас будет разыграна сценка на тему «Великий вождь снисходит до беседы с залетными бледнолицыми», но просчитался. Первое, что сделал Высокая Гора, – это снял султан с перьями, извлек откуда-то чистую тряпицу и протер взмокший лоб.

– Жарко сегодня. А тут еще и полсотни верст пришлось проскакать.

О как! Картина маслом! Как видно, удивление было аршинными буквами написано на лицах белых. А как еще можно объяснить улыбку эдакого хитрована, которой одарил их вождь. А еще ухмылку доктора. Нет, ну ни дать ни взять чистой воды доктор из Старого Света, причем дорогой, знающий себе цену.

– Удивлены? Ничего не поделаешь, люди хотят, чтобы их верховный вождь отличался от простых воинов. Вот и приходится ходить с этим украшением.

– Стоит ли так себя изводить? – удивился Сергей.

Вот вроде общаются по-простому, причем тон задал сам вождь, но отчего-то желания сказать: «Послушай, дружище Гора» – не возникает. Может подать себя мужик, даже держась просто и без претензий. Но, надо заметить, общаться так было куда легче. Поведи Высокая Гора себя иначе, и, скорее всего, у Варакина включилась бы защитная реакция. Ну не привык он к тому, чтобы с ним говорили свысока. Сколь-

ко ни была жизнь, уважение к себе он никогда не терял. А вот такой тон беседы в самый раз.

– Ради людей стоит.

– Летом слишком жарко, зимой, наоборот, холодно.

– Все так, – согласился с выводами Сергея Высокая Гора, – но это самая меньшая плата за мое положение.

– Звучит убедительно.

– Верная Рука, я ждал известий о твоём самочувствии, потому что мне нужно поговорить с тобой об очень важных вещах.

– Настолько важных, что хотел бы остаться наедине?

– Не совсем. Хитрый Змей будет здесь.

– Тогда отчего я должен просить моих друзей оставить нас? У меня нет от них секретов.

– Секреты есть всегда, и даже от самых близких и проверенных друзей. Тебя зовут Хват. Но ведь это не имя. – Еще бы ему не отличить имя от прозвища, при таком-то владении языком. Как и у доктора, у вождя не было и намека на акцент. – Отчего твои друзья не знают твоего настоящего имени? Разве они никогда не спрашивали тебя об этом? И разве ты не отказывался его назвать? – вроде и спрашивает, и в то же время ответов не ждет. – Этот секрет, по сути, ничего не значит и ничего не меняет, на поле боя ты, не задумываясь, готов драться за друзей, в том числе и погибнуть за них. Верная Рука, ты потом сам расскажешь им то, что посчитаешь нужным, я ни на чем не стану настаивать. Ты можешь

передать им весь наш разговор слово в слово. Но сейчас мы будем говорить одни или не будем говорить вовсе.

– Нормально, командир, – поднимаясь и потянув за собой Ануша, успокоил Сергея Хват. – Поговори. А то я потом спать не смогу от любопытства. И помни: я пойму все, что угодно, разве только если ты не окажешься мужеложцем.

– Он всегда такой? – утирая слезы все той же тряпицей и едва сдерживая новые позывы хохота, произнес вождь.

– По большей части, – недовольно потирая виски и стараясь унять пульсирующую боль, ответил Сергей. Что поделять, смеялся вождь под стать своей комплекции, от души и очень громко. А подобные звуки с некоторых пор доставляли Сергею болезненные ощущения.

– Уймись, Высокая Гора. Не то ты все мое лечение сведешь на нет.

С этими словами доктор подошел к тумбочке Сергея, на которой стояли несколько склянок. Варакин все время путался в них, норовя выпить что-нибудь не то. Хорошо хоть этот процесс не выпускал из виду вездесущий Хват, неизменно находя нужное снадобье и вливая его в глотку друга в положенное время в строго оговоренной доктором дозировке.

Сергей опрокинул стопку с какой-то настойкой себе в рот. Никакого вкуса, тягучая и абсолютно пресная штука. И от этого она была еще противнее. Однако результат последовал незамедлительно. Именно эту дрянь Хват и вливал в него,

когда случались приступы головной боли. П-пакость. Но работает.

– Итак, может, начнем, Высокая Гора?

– Хорошо, – легко и без обиняков согласился верховный вождь. – Восточнее проживает племя икезов, они не любят простор, а потому держатся за свои леса. У них есть одно священное место, посещать которое запрещается под страхом смерти. Как гласит древнее предание икезов, существует множество миров, разделенных тонкой гранью, за которую не дано проникнуть никому. Но есть места, где эта грань порой истончается и исчезает на несколько дней. Все, что не принадлежит нашему миру, не может принести ничего хорошего. Все живое обходит эти места стороной, а наши меньшие братья умеют чувствовать опасность лучше нас.

По мере того как вождь говорил, Сергей все больше мрачнел. Нет никаких сомнений, этот рассказ имел к нему самое непосредственное отношение. Похоже, пинки сумели как-то вычислить того, кто вышел из запретного места. Ну и чем это грозит ему? Пока неизвестно. Сейчас куроки пытается понять, представляет ли Сергей для них опасность или нет. Черт. Оружия никакого. Бросаться в драку – глупее не придумаешь, с ним сейчас и ребенок справится, не то что взрослый, тем более такой здоровый мужик. Остается только молча слушать и постараться не выдать охватившего его волнения.

– Никто не знает, когда именно стирается грань миров.

Как говорят икезы, она исчезает раз в пять поколений. Но точная дата им неизвестна, – продолжил вождь. – Скорее всего, когда-то шаманы наблюдали за этим явлением, но потом или бросили, или что-то случилось. Эти знания утрачены. – Высокая Гора не только говорит без акцента, но и, похоже, имеет еще и хорошее образование. – Пока никаких бед из другого мира не приходило, но неизвестно, чем это может грозить. Мудрость древних нам уже недоступна. Если они опасались чего-то и старались оградить от этого свой народ, то явно не без причин.

– Зачем ты все это рассказываешь мне, Высокая Гора?

– Два года назад икезы заметили следы, которые выходили из запретного места. Следы двух мужчин. Очень странные, оставленные непривычной обувью. Они вели в степь. Икезы не любят открытый простор и не пошли дальше, поэтому, куда направились эти двое, они не узнали. Еще следы сказали, что с неизвестными были четыре собаки. Два года назад двое мужчин, не знающие языка, одетые в странную одежду и вооруженные неизвестными ружьями, появились вблизи форта Опань. С ними были четыре собаки странной породы, таких раньше никто не видел. Один из них погиб, другой ты.

– И почему об этом вы узнали только сейчас?

Раз с ним разговаривают, то, скорее всего, убивать не собираются. Можно, конечно, и запереться, но кто знает, насколько любопытен вождь, а в деле истязаний пинки были

настоящими мастерами, способными мучить свою жертву, долго не давая ей умереть. На фиг, на фиг, он не герой-подпольщик на допросе в гестапо. Если уж грохнут, то пусть лучше сразу, без мучений. Но пока с ним говорят, брыкаться не стоит, тем более кроме себя любимого, подставить он никого не может.

– Икезы не очень общительное племя. Это их предание. Весной пути моего сына Вольного Ветра и вождя икезов пересеклись. Ночь была длинная, беседа долгая, рассказано было много. Если бы там был кто-то другой, то никто не придал бы этому значения, но Вольный Ветер был с вами знаком, вот и постарался все выяснить.

– Вождь рода, кочующего вдоль границы, твой сын?

– Вольный Ветер не вождь рода. Он военный вождь и охраняет границу на востоке, – возразил Высокая Гора.

Хм. Все страньше и страньше. Может, просто набраться наглости и попросить, чтобы вождь рассказал все и сразу. Глядишь, и вопросов поубавится, а то от такого разговора их только больше. Н-да. Не тот случай. Правила устанавливает куроки, а значит, и беседу будет вести в той манере, какую сочтет нужной.

– Так что ты хочешь услышать, Высокая Гора?

– Ты и твой друг пришли из другого мира?

– Да. Нам не больно-то этого и хотелось. Все случилось помимо нашей воли. Но это так. Мы из другого мира.

– Рассказывай.

– А зачем? Проход туда открывается один раз в сто лет и держится открытым только четырнадцать дней. Ни ты, ни я до этого времени не доживем. Бесполезное знание. Если только для ученых. Но мы не принадлежим к науке.

– Бесполезное знание, – задумчиво произнес вождь, а потом посмотрел прямо в глаза Сергея. – Мои предки когда-то думали так же, но это ошибочный путь. Знания – это сила. Иное дело, что не все их можно применить на практике. Впрочем, зачастую со временем и этот недостаток проходит.

– Трудно тебе в этом возразить. Так что ты хочешь услышать?

– Рассказ о твоём мире.

– Разговор может оказаться очень долгим.

– Начни. А там посмотрим.

– Ладно...

Поначалу Сергей хотел рассказать все откровенно. Но, задумавшись, с чего, собственно, начать, он решил, что потопился насчет откровенности. В конце концов кто такой этот пинк, чтобы он ему доверялся без остатка? Да, он с уверенностью может утверждать, что Варакин пришелец из другого мира, но это вовсе не значит, что перед ним нужно раскрываться полностью. Кто знает, куда может завести правда. Ему приходилось читать фантастические романы с похожим сюжетом, и вариант с глухой комнатой и мягкими стенами его вовсе не устраивал. Лучше подстраховаться.

По версии, изложенной Сергеем, его мир практически та-

кой же, как и этот. В чем-то они ушли вперед, в чем-то отстали от местных, но в общем и целом разница не так чтобы и велика. Например, у них научились делать оружие, которое по некоторым показателям превосходит изделия местных оружейников. Взять его карабин, изделие того мира. Да, он способен поражать цель на большем расстоянии, имеет большую пробивную способность. Но вместе с тем его конструкция даже проще того же «дятлика» и ненамного сложнее «балича». В скорострельности он превзойдет второй, но в то же время значительно уступит первому.

Оптика? Ну да. Оптика получше, чем известные местные образцы. Кстати, здесь умеют делать линзы сопоставимого качества, хотя и немного уступающие, просто не додумались до подобной компоновки. Да, в этом его мир немного ушел вперед.

Но в то же время у них не так развито электричество. Здесь генератор и электрическое освещение в приграничных поселениях не являлось чем-то из ряда вон, была бы только возможность приобрести необходимое. В его же мире генераторы были настолько редки, что электричество было только в единичных городах. Процесс шел, но явно отставал от местного уровня.

Вместе с тем, в их Новом Свете аборигены, называемые индейцами, уже не являлись хозяевами своих территорий. Их загнали в негодные земли, и они существовали на скромные пособия государства, которые безбожно разворовывают-

ся чиновниками.

Как Сергей ни напрягал свое воображение, рассказ его все же вышел недолгим, хотя вначале он думал, что сможет вещать часы напролет. Однако настоящий разговор начался после того, как верховный вождь начал сыпать вопросами. Грамотно так сыпать, затрагивая самые различные области и стараясь вникнуть в детали. Сергею пришлось постараться, чтобы не ляпнуть чего-нибудь лишнее. Удавалось это не всегда, и ухватившийся за какую-нибудь зацепку Высокая Гора начинал раскручивать маховик вопросов.

Грамотный мужик. Варакину приходилось всячески изворачиваться, чтобы вождь не решил, что ему в руки попал настоящий посланец Великого Духа, призванный спасти его народ от наступления белых. Почему Сергей пришел именно к такому выводу? А он и сам не знал. Вот чувствовал, что эта самая глухая комната с мягкими стенами где-то рядом, и все. Это придавало ему сил врать самозабвенно, со всей возможной убежденностью.

И все же с каждой минутой разговора Высокая Гора все больше утверждался во мнении, что сидящий перед ним мужчина – это просто подарок Великого Духа своему народу, участь которого была предрешена. Другие могли твердить сколько угодно о неизменности миропорядка и держаться за древние устои. Высокая Гора знал точно – это не так. Их привычный уклад жизни, остававшийся незыблемым спустя сотни или даже тысячи лет, стремительно рушился. Они уже во

многим изменили свой образ жизни за сравнительно небольшой промежуток времени. Но этого было недостаточно.

Ситуация менялась настолько стремительно, что сроки исчислялись уже не десятилетиями, как это было совсем недавно, а считаными годами. Если не внести изменения в ближайшее время, они проиграют войну, растянувшуюся на сотни лет и неуклонно проигрываемую сейчас.

Человек образованный и очень умный, вождь понимал, что, если бы белые имели возможность заселить пространство, все еще остающееся во владении пинков, они это уже сделали бы. Успешное сопротивление колонизации белых возможно только до той поры, пока попытки освоения новых земель исходят от одиночек, стремящихся к самостоятельности и независимости. Но как только в этот процесс вступит государственная машина...

Одной государственной машине может противостоять только другая, такая же. У пинкских племен против такого аргумента нет шансов. Даже если все они вдруг вспыхнут любовью друг к другу и объединятся в кулак, это будет лишь досадным и незначительным препятствием на пути белых. Пинки проигрывают во всем, начиная с численности и заканчивая уровнем развития.

Казалось бы, зачем Высокой Горе этот человек? Если бы он пришел оттуда, где имелись знания, сильно разнящиеся с их миром, то толк был бы огромным. Впрочем, и это сомнительно. Если бы пришелец попал в руки какого-нибудь

государства, то они сумели бы извлечь пользу. Ведь любое государство, даже самое слабое, – это не полунищее пинкское племя.

Так зачем ему цепляться за Верную Руку? Он задавал себе этот вопрос и тут же сам на него и отвечал. Очень скоро война из холодного состояния может перейти в горячее, и, если ему удастся заполучить этого человека, тот сможет помочь достойно встретить врагов. Эта уверенность была основана не на пустом месте.

Со слов Сергея получалось, что он обычный охотник из края бесконечных лесов. Не военный, и вообще никогда не участвовал ни в каких войнах. Может, так, а может, это и ложь. Но правда в том, что он уже успел применить столько всего разного, что умудрился заработать определенную репутацию. Его имя гремело на всю степь, а женщины арачи пугали Сергеем своих непослушных детей.

Его нестандартный взгляд на многие очевидные вещи мог помочь в предстоящей борьбе. Потому что, действуя по старинке, просто невозможно выстоять перед напором белых. Воины куроки – прекрасные и храбрые бойцы, они ничем не уступят ни одному племени, и уж тем более белым. Но маленький гарнизон, где служил Верная Рука, сумел не только противостоять арачам, но и в значительной мере ослабить силы племени из-за многочисленных потерь. Вождь чувствовал, что ему просто необходим этот человек.

Беседа из домика, занимаемого друзьями, переместилась

в кабинет доктора. Слушая пришельца из другого мира, ставшегося обстоятельно отвечать на вопросы, Высокая Гора пытался делать какие-то выводы, наметить некий курс. Однако обилие информации приводило только к тому, что он еще больше запутывался.

Осознав это и придя к выводу, что одна, пусть даже самая обстоятельная беседа неспособна раскрыть всю полноту картины, вождь решил прекратить расспросы. Самым лучшим вариантом будет держать этого человека поближе к себе и в процессе общения постепенно обрастать необходимыми знаниями. Именно необходимыми, а не бросаться, как голодный, на все корки хлеба сразу.

Сергей это прекрасно понял, едва только вождь заявил, что их беседа еще продолжится, когда раненый достаточно окрепнет. Насчет того, что их сочтут дезертирами, Высокая Гора просил пока не волноваться. В конце концов причина их отсутствия на прежнем месте службы в настоящий момент вполне уважительна. Когда же шевроны будут чувствовать себя лучше, к этому вопросу можно будет вернуться.

Что же, раз так... Сергей очень устал. Голова буквально раскалывалась, и ему раз за разом приходилось пользоваться снадобьями доктора. Последний был явно недоволен таким оборотом и предложил сначала дать раненому передохнуть. Но тут уж закусил удила Варакин.

Плевать. Он не Высокая Гора и не собирается набрасываться на все и сразу, требуя обстоятельных ответов со все-

ми деталями. И потом, у него было преимущество перед вождем — он уже два года жил в этом мире и за это время успел ознакомиться со многими реалиями. Круг его любопытства был куда уже.

— Высокая Гора, расскажи о куроки.

— Ты хочешь знать нашу историю?

— Я знаю, что вы способны опуститься вниз более чем на десяток колен, но мне интересно узнать вашу историю в общих чертах...

Что же. В общих чертах все выглядело так. Еще три сотни лет назад арачи проживали на побережье океана. Именно арачи, тут нет никакой ошибки. Они вполне уживались с белыми колонистами. Конечно же случались и дразги, и грабежи, и убийства с обеих сторон. Это вполне объяснимо. Но в целом они прекрасно сосуществовали, дополняя друг друга.

С годами белых становилось все больше. Им нужно было все большее пространство. Они договаривались с пинками и где уступками, а где прямой покупкой получали новые земли или разрешение на проживание. Все больше белых начинало промышлять охотой, составляя тем самым конкуренцию аборигенам. В конце концов наступил предел, когда арачи сказали категоричное «нет». Они больше не могли тесниться, уступая белым все большие территории.

Вот тогда-то и началась большая война, результатом которой стало массовое переселение арачей на запад. Тяжкий и скорбный путь, на котором было утрачено множество ро-

дов. Кого-то настигли белые, кто-то пал от рук тех пинкских племен, через земли которых пролегала дорога арачей.

Наконец была достигнута договоренность, по которой племена икезов и гаюнов пропустили слабаков, не выдержавших напора белых, в негодные места. Именно таковым считался открытый степной простор. Но эта земля, ранее пустовавшая, стала буквально обетованной для гонимого судьбой племени. И, что самое странное, именно благодаря белым, а вернее, лошадям, завезенным ими.

Сегодня по бескрайним просторам бегают множество табунов диких лошадей. Но до появления белых, привезших это животное из Старого Света, местные никогда не видели ничего подобного. Лошадь стала верным товарищем человека и позволила выжить. Благодаря этим животным роды могли вести кочевой образ жизни и добывать основной ресурс, которым была богата степь, – буйволов.

За сотню лет остатки племени сумели восполнить свои потери и расселиться по огромной территории. Некогда единое племя арачей разделилось на четыре самостоятельных племени и заняло земли в поймах рек Изеры и Ославы. Это были арачи, куроки, солоты и окаты.

Но белые и не думали останавливаться на достигнутом. Их становилось все больше, и им хотелось все больших земель. Границы их территорий вновь начали разрастаться. Этот неуклонный процесс привел к практически полному уничтожению тех племен, что оказались на пути прогресса.

На юге движущимися вверх по Изере колонистами Новой Валенсии почти под корень были уничтожены солоты. Остатки племени присоединились к арачам. Потом они вместе приняли грудью напор валийцев, препятствуя дальнейшему их продвижению.

С востока, растворяя в себе аборигенов, надвигалась Новая Рустиния. Здесь уже не лились реки крови, рустинцы учились на чужих ошибках, но остающиеся на их территории пинки уже не были народом икезов или гаюнов. Роды переселялись с насиженных мест, где добровольно, а где и силой. Нет, их не отправляли в негодные земли, их не сгоняли в резервации. Все было иначе.

Их расселяли по землям Новой Рустинии, по желанию обучали той или иной специальности. Выделяли участки и заставляли вести оседлый образ жизни. Особые упрямцы могли заниматься промысловой охотой, но на законном основании, с лицензией и припиской к определенной компании. Им выделялись подъемные и беспроцентные ссуды. Все как для самых настоящих рустинцев. Но при этом власти всячески старались избежать компактного проживания пинков. Представители одного рода могли оказаться разделенными тысячами верст, без какой-либо связи.

Поколение за поколением пинки утрачивали свои обычаи и устои, перенимая их у белых, даже отрекаясь от своих богов и принимая Создателя. Кстати, согласные поменять веру получали заем, который и займом-то назвать было нельзя,

потому что возврат его не предусматривался. Разумеется, за ними осуществлялся надзор священнослужителями, но если все было по-честному, то и претензий никаких.

Частыми были смешанные браки, что способствовало еще большей ассимиляции аборигенов среди рустинцев. Вот таким, с одной стороны, затратным способом Рустиния не только приращивала новые территории, но и опережала остальные колонии по густонаселенности.

Словом, хотя на востоке крови теперь лилось не в пример меньше, это не спасало пинков от вырождения, их численность неуклонно падала. Появилось большое количество метисов, в которых с первого взгляда угадывалась изрядная примесь пинкской крови, но тем не менее они были рустинцами, и не только по закону, но и сами считали себя таковыми. Мало того, именно так их воспринимали и чистокровные рустинцы.

Неуклонное расширение границ белых остановилось совершенно неожиданно. И хотя многие пинки, в частности арачи, утверждали, что это результат их непримиримой борьбы, на деле причина была в другом. Эпидемия, разразившаяся в Старом Свете, оказалась настолько губительной, что унесла множество жизней. Даже если государства и были заинтересованы в расширении границ своих колоний, заселять новые земли было попросту нечем.

Болезнь проникла и в Новый Свет, пройдя по всем поселениям. Подчас она выкашивала всех жителей до единого.

По мере продвижения к малообжитым районам ее накал спадал. Здесь было гораздо проще устроить карантин. Доходило до того, что фермеры и хуторяне и сами не высывали носа со своих участков, и никого не пускали к себе, не позволяя приближаться и расстреливая любого незнакомца еще на подходе. До пинков эта зараза не добралась.

Многие жрецы, воспользовавшись этим, начали утверждать, что устоявшийся миропорядок неизменен и что Великий Дух наказал белого человека за то, что он решил все порушить. Слова, не лишённые основания, и подавляющим большинством они были приняты безоговорочно. Ну а как же еще? Конечно, это воля Великого Духа. Ведь ужасный мор так и не коснулся пинков.

Но нашлись и те, кто увидел в этом не просто проявление божественной воли, но и шанс для своего народа. Таких вождей поддержали далеко не все соплеменники. Многие покинули свои роды и ушли в другие племена, стремясь оставаться верными традициям и не желая начинать новую жизнь. Остались только те, кто был согласен сделать решительный шаг в новом направлении, и сомневающиеся.

Процесс этот был запущен тогда еще молодым верховным вождём народа куроки Бурым Медведем. Памятуя о манере валийцев предавать все огню и мечу, а также имея между своими землями и Новой Валенсией племя арачей в качестве буфера, верховный вождь решил сделать ставку на рустинцев. Конечно, если они придут сюда, то постараются раство-

рить куроки в себе. Но зато не прольются реки крови и люди выживут, даже утратив свои корни. По сути, это такая же гибель народа, но все же бескровная. Поэтому лучше уж так.

Однако это был худший сценарий, на который рассчитывал Бурый Медведь. Главной его целью было влиться в состав рустинской короны на правах союзника, а не перейти полностью в ее подчинение. Для этого аборигенам нужно было стать не просто сильнее, но и достаточно многочисленными.

После раскола численность куроки сократилась почти на треть. Нужно было постепенно начинать оседлый образ жизни. Немалая часть территории на севере отошла к отколовшимся, державшимся за старые устои какуроки – истинным куроки.

Бурый Медведь был не просто сторонником образа жизни белых. В отличие от остальных он умел трезво взглянуть на то, что всем казалось непоколебимым. Было время, когда благодаря появившимся лошадям и бесчисленным стадам буйволов арачи смогли не просто выжить, но и разрастись, заселив собою степь. Буйволы давали все необходимое для жизни пинков: мясо, шкуры, кости, жилы, кишки. Все шло на пользу, ничто не пропадало даром.

Правда заключалась в том, что эти стада уже начали уменьшаться, истребляемые не столько племенами пинков, сколько теми же белыми. В основном это делалось ради добычи шкур. После белых охотников оставалось великое мно-

жество туш убитых животных с содранной шкурой. Даже падальщики, стекавшиеся к подобным местам целыми тучами, не были способны съесть и малую часть желанной добычи.

Нередко охотники погибали от рук пинков, но это их не останавливало. В степи все чаще появлялись значительные отряды, способные не только охотиться и увезти на своих больших повозках богатую добычу, но и дать достойный отпор. Некоторые пинки также способствовали уничтожению буйволов, позабыв о заветах предков. Соблазн иметь вещи белых, а в особенности оружие, был слишком велик, а на это нужны были средства.

Так и вышло, что животных становилось все меньше. Порой буйволовые тропы меняли свое направление. Все чаще в шатры стал захаживать голод, по крайней мере, уже не было того изобилия, что прежде. А затем настало то время, когда бескрайние степные просторы были не в состоянии столь же щедро, как и раньше, делиться своими запасами с людьми.

Именно Бурый Медведь первым начал задумываться над тем, чтобы начать учиться у белых. И первый шаг в этом направлении он сделал задолго до того, как выработал стратегию. Он отдал в рустинскую школу своих сыновей, и его примеру последовали другие. Старший из них проявил небывалое рвение в учебе и даже закончил университет в Старом Свете. Вместе с ним туда отправился и его товарищ, к тому моменту уже ставший помощником шамана, Хитрый Змей. Только он избрал иную стезю, решив стать медиком.

Постепенно Бурому Медведю удалось-таки сломить кроважадную натуру своих соплеменников, чему в немалой степени способствовали рустинские школы. Дети, вырастая рядом с рустинцами, уже не считали их врагами, желающими отобрать их землю. Они видели другую жизнь не со стороны, гостили на хуторах у своих белых товарищей. Именно на молодежь и делал свою основную ставку верховный вождь, проводя в жизнь свою линию.

В год, когда Высокая Гора вернулся к родным шатрам, его отец погиб, и он встал во главе племени. Разумеется, родство тут не играло никакой роли, его избрали на общеплеменном совете. Немалую роль в этом сыграло то, что несогласные с путем, по которому пошли куроки, отделились, а для оставшихся имело немалое значение то обстоятельство, что Высокая Гора окончил университет в столице Рустинии и знал многое о народе, который жил рядом.

Не сразу, но новому верховному вождю удалось наладить мирные взаимоотношения с соседями и держать в узде особо горячие головы соплеменников. Теперь ему предстояло идти по пути, начало которого было положено его отцом. И он был полон решимости пройти по нему до конца или пока сам не отправится в места вечной охоты.

Куроки стали всячески привечать белых колонистов, выделяя им земли, обещая защиту и посильную помощь в подъеме хозяйства. Каждый из пунктов они выполняли честно, стараясь заполучить настоящую дружбу со своими белыми

братьями. За довольно долгий срок только однажды арачи уничтожили рустинский хутор на территории куроки.

Ответ Высокой Горы был молниеносным и жестким. Перейдя границу с военным отрядом, он напал на род, осмелившийся на подобную дерзость. Каждый, кто оказал сопротивление, был убит. Остальных куроки увели на свои земли, пополнив племя еще одним родом.

Разумеется, арачи попытались прекратить это безобразие. Но когда их военный отряд появился на землях куроки, он был встречен не только хозяевами, но и выступившими в едином с ними строю рустинцами. Кровапролития тогда удалось избежать. Арачи не решились начать схватку с противником, неплохо вооруженным огнестрельным оружием.

Вопрос об освобождении рода поднимался на межплеменном совете. Но как ни враждебно относились к куроки, большинство склонилось к тому, что они были в своем праве. Тем более что плененный род жил совершенно свободно и, так как лишился множества мужчин, был поддержан другими родами и хуторянами, снабдившими их необходимым продовольствием и имуществом.

В настоящее время большинство родов племени вело оседлый образ жизни. Даже те, кто занимался скотоводством, не пожелав ковыряться в земле. Кочевало только несколько родов из непримиримых противников оседлой жизни. Им были определены земли на границах с Новой Рустинией и арачами. Основной их обязанностью была охрана

границ.

Высокая Гора конечно же планировал пойти под руку рустинского короля, но все же решил предпринять некие меры по предотвращению свободного распространения информации о происходящем у куроки. И, надо заметить, ему это удалось. Были какие-то разрозненные слухи, но ничего конкретного. Вождь всегда помнил: чтобы выстоять, нужно быть сильным, а сила не только в оружии. Крепкое хозяйство, экономическая независимость, способность самостоятельно выжить в этом мире – вот главное оружие, на которое он делал ставку. И добился уже немало.

На Изере имелась большая фактория, где осуществлялась торговля с другими племенами, а также совершались закупки продукции хуторян и немногих ремесленников. Туда же заезжал на пароходу и один валийский купец, который удачно реализовывал продукцию пинков в Новой Валенсии.

Этот торговец не афишировал свою деятельность. Зерно он якобы закупал в Новой Рустинии. У валийцев всегда были большие потребности в продовольствии, а потому и цены были повыше, чем у рустинцев. Вот и выдавал он это зерно за рустинское, изрядно пополняя свою кошелю за счет не только более короткого пути, но и отсутствия таможенных сборов.

Не сказать, что в этих землях жили богато. Хватало и зажиточных, и тех, дела у кого шли похуже. Но бедности не было и в помине, не говоря о голоде. Посреди степи полудикое племя умудрилось создать эдакое маленькое экономическое

чудо. Звезд с неба не хватало, имелось множество проблем, но уже сегодня они могли выжить самостоятельно, ограничившись сравнительно небольшой территорией. Мало того, и для дальнейшего роста место было.

Кстати, имелись уже и первые ласточки промышленности. Куроки умудрились одомашнить диких буйволов, этим занималось более двух десятков хуторов. Появились небольшие излишки мяса. Поэтому Высокая Гора озабочился строительством небольшого консервного заводика. Здесь производили как тушенку, так и пеммикан, которые охотно покупались всеми, в особенности военными.

Еще была своя лесопилка. Правда, она пока была рассчитана только на внутренние потребности. Кстати, именно ее стараниями куроки сумели снабдить необходимыми материалами хутора как своих соплеменников, так и приглашенных поселенцев.

Последних старались расселять подальше друг от друга. Нет, аборигены не перенимали манеру рустинцев. Все проще. Хуторяне, живущие особняком в окружении пинков, выполняли роль консультантов и учителей, делясь своими знаниями.

Словом, планы у верховного вождя были огромные. Его переполняла уверенность, что затраченные усилия не пройдут даром. Немалым подспорьем для такой уверенности было и то обстоятельство, что начали появляться семьи из других племен, которые желали повторить опыт куроки. Ручеек

пинкских переселенцев был тоненьким, едва ли пара-тройка семей в год. Но он был.

Выяснилась и странность с тем непонятным отрядом разведчиков, следы которого обнаружил патруль Сергея в свой последний выход. Оказывается, это были вовсе никакие не разведчики, а самая натуральная диверсионная группа. Их задача состояла в захвате валийского парохода с баржей и всем товаром.

Как уже говорилось, куроки хоть и были далеки от нищеты, но и особо зажиточными тоже не являлись. А взятые на себя обязательства перед белыми хуторянами нужно было выполнять. Потребностей было много, в особенности сказывалась нехватка сельхозинвентаря. А ведь на сегодняшний день на землях куроки имелось более сотни рустинских хуторов, и никто из них не платил налогов, в отличие от самих аборигенов. Мало того, согласно своим обещаниям куроки снабжали их всем необходимым хотя и не бесплатно, но по льготным ценам.

Не имея возможности закупать все, что нужно, Высокая Гора не гнушался грабежом, благо все будет списано на арачей. Но и действовать в лоб считал глупым. Если уж грабить, то делать это нужно наверняка, а не полагаясь на слепую удачу.

Четыре года назад вождь решил воспользоваться политикой Новой Рустинии и начал направлять туда молодых людей, с целью получения ими различных специальностей.

Имелись и пара дюжин тех, кто был в восторге от пароходов. На разных судах находилось по одному или два куроки, которые овладевали различными судовыми специальностями. Были двое, которые прошли обучение и получили патенты капитанов речных судов.

Высокая Гора хотел как-нибудь заполучить собственные суда, чтобы перестать зависеть от купца-валийца и начать получать большую прибыль от торговли с белыми. Наличие двух команд конечно же важный фактор, но, к сожалению, не основной. Самый маленький пароход, причем не первой свежести, стоил не меньше шести тысяч. Неподъемная сумма для куроки.

Вот и родилась пару лет назад идея о захвате пароходов у валийцев. За время хождения по Мраве и Изере куроки успели не только овладеть специальностями, но и узнать многие особенности в области судовладения и познакомиться с людьми. Словом, подбирался пароход, который должен был перевозить интересующий аборигенов груз и на котором имелся капитан, полностью удовлетворяющий требованиям, то есть достаточно жадный и сговорчивый. После чего осуществлялся «захват» судна, и его уводили в глубь территории куроки.

– Ничего не понимаю, – пожал плечами Сергей. – Какая капитану от этого выгода?

– Он избавляется от старой лоханки и получает новый пароход.

– Но каким образом?

– Часть покрывается страховкой, часть восполняем мы. Нам это выгоднее, чем закупать инвентарь у белых. В результате продажи груза, даже по льготной цене, мы остаемся в прибыли. Владелец груза также получает страховку и не имеет претензий к незадачливому капитану. Страдает только страховая компания. Но нас это не интересует.

– Но если после нападения выживает весь экипаж... Это достаточно подозрительно.

– А разве я сказал, что выживает вся команда? Но это на совести капитанов. Я ведь говорил, что мы не обращаемся к первым попавшимся. И потом, это позволяет сохранить все в тайне. Оставшиеся члены команды не станут болтать лишнего. Кстати, на последнем пароходе договоренность была с боцманом, он же подобрал троих членов экипажа. Когда наши люди поднялись на борт, все уже было кончено.

– Но ведь боцману не положена страховка. Или он имел долю с парохода?

– Его вместе с сообщниками устроила наша плата: судовая касса и кое-что из груза.

– Ну и сколько пароходов вы уже успели «захватить»?

– За два года только четыре. Найти согласных на подобное не так чтобы и просто.

– Но своего судна вы еще не имеете?

– Не имеем. Пароходы довольно индивидуальны, и, чтобы их не узнали, необходима вдумчивая и тщательная передел-

ка. В настоящий момент мы уже заканчиваем переделку парохода и баржи. Думаю, что на следующий год он выйдет на просторы реки, а мы начнем переделку еще одного судна. У нас теперь есть кое-какой опыт, так что тут все должно пойти быстрее.

– А как же валиец, торгующий с вами?

– Весной он придет сюда в последний раз, а потом и его судно пойдет на нашу верфь.

– Жестко.

– Жестко, – согласился с Сергеем вождь. – Но на кону слишком многое, чтобы бояться замарать руки.

– Последний вопрос. А почему ваши люди пришли к нам на помощь?

– У них не было другого выхода. Баржа стояла у берега, и если бы они не помогли вам, то арачи напали бы на них. А что касается того, что вас доставили сюда... Это не планировалось. Но Хват, который не потерял сознание, как ты, сообщил, что один из вас Верная Рука.

– Ясно. – Чего неясного, повезло. – А почему Мрава?

– На Изере невозможно напасть на пароход, если только ночью, во время стоянки, но теперь суда на ночь становятся у застав. Мрава не так широка, маневрировать, имея баржу, очень сложно. Все выглядит правдоподобно. Главное – ночью незаметно пройти мимо вашего форта и уйти вверх по течению Изеры. – Вождь немного помолчал и добавил: – Думаю, на сегодня достаточно. Уже поздно, ты устал, да и

Хитрый Змей недовольно смотрит на нас.

Глава 2

В поисках друга

– Я думаю, здесь будет в самый раз. – Говоривший вернул в рот сухую травинку, которую перед этим вынимал, и сноровисто прогнал ее в другой уголок губ.

Алексей посмотрел на мужчину, в очередной раз пытаясь дать ему оценку. Высокий и крепкий мужик, с окладистой бородой и надвинутыми на глаза широкими полями шляпы, из-под которых слева видно изуродованное ухо. Клетчатая рубашка плотно облегает бугрящиеся рельефные мышцы, ни дать ни взять культурист, хотя тут подобных понятий и не знают.

Из седельного чехла выглядывает приклад «дятлича», здесь это как признак крутости. У самого Алексея такой же, хотя «балич» вон того паренька – штука куда убойнее будет. Прицельная дальность из армейского карабина раза в два превышает этот же показатель у «дятлича», правда, со скорострельностью однозарядной винтовке с магазинной не тягаться. На бедрах мужчины пара револьверов, тоже новомодные. По манерам их владельца видно, что обращаться с ними он умеет. Ну да, в поход неумех и не брали. Не на прогулку вышли.

Что же касается конкретно этого мужчины, то из тех, что

были в пределах досягаемости, он был самым лучшим. Алексей понял это как со слов капитана Дивиша из крумлского форта, которого ему рекомендовали, так и со слов парнишки-оборванца, столь удачно выклянчившего у него почти полкроны. На этот раз дело планировалось не на реке, поэтому на его взаимоотношения с лоцманом Хором можно было не обращать внимания.

Алексей покосился было на Ванека, чтобы узнать его мнение по поводу высказанного Рваным Ухом, но он тут же отвел взгляд. Бенеш был из каторжан, куда угодил за убийство, причем не единичное. Но степь – это не город, тут недостаточно быть просто убийцей, здесь, по факту, нужно воевать, а потому местные куда лучше разбираются в данном вопросе. Бенеш честно признал это еще перед походом, почему, собственно, сейчас людьми и командовал малознакомый Рваное Ухо. Вот прикрыть спину или вправить мозги, если они у кого потекут, – дело иное, в этом Ванек незамеченным.

Что же, если так, то придется задействовать свои таланты. Хотя... какие там таланты. Вот бы посоветоваться с Сергеем... Но проблема в том, что Болотин оказался в данной ситуации, как раз чтобы найти пропавшего друга. Ладно. Если он будет без конца ныть, то пользы от этого никакой. Не дурак ведь, в конце концов. Опять же, есть и другие, которые если и уступят этому мужику, то ненамного, им ведь тоже здесь рисковать шкурой. Что толку от солидного вознаграж-

дения, если станешь трупом, поэтому мозги мужики будут напрягать на совесть. Да и в отряд набирали только бывалых парней.

Итак. Имеется распадок между двумя высокими холмами, с большим ручьем, струящимся по его дну. На северной стороне холм вроде и пологий, но конную атаку там не проведешь. На юге довольно крутой склон переходит в отвесную скалу песчаника сажен на пятнадцать, а дальше становится уже пологим, поросшим невысокой травой. Там, конечно, можно устраивать позиции для стрелков, но до ручья шагов триста будет. Для «дятлича» это уже предельная дистанция для прицельной стрельбы, а для пинков – так и вообще запредельная из любого ствола. Стрелки они в основном аховые.

Получается, что они могут напасть только с севера или с двух сторон вдоль ручья. Конечно, теоретически они могут спуститься со скалы при помощи веревок, но все же вряд ли. Как сомнительно и то, что нападение будет со склона другого холма. Для нападения на обоз переселенцев из полутора десятков человек, половина из которых – женщины, они, скорее всего, выберут атаку в лоб. С гиканьем и верхом. Ну не придумывать же что-то эдакое для захвата каждой семьи переселенцев.

Вообще-то отряд Алексея включал в себя сорок тщательно отобранных и бывалых мужчин. Но на виду держались только пятнадцать. Причем самых щуплых переодели в жен-

ские платья, да еще и некоторым из них сунули свертки тряпья, призванные изображать собою младенцев. Пришлось каждому из ряженных приплатить сверху по пять крон вперед, иначе они наотрез отказывались от участия в подобном маскараде.

Остальные члены отряда передвигались в двух больших повозках, в которых обычно размещались пожитки переселенцев. Сейчас там были только продовольствие, парусиновые полога, боеприпасы и аппаратура съемочной группы. Остальное пространство занимали люди, для которых специально оборудовали лавки вдоль бортов. Тесновато, но не смертельно.

Расчет Алексея был прост как мычание. Он не собирался сам гоняться за арачами. Еще чего. По степи за ними не набегаешься. Пусть уж лучше они сами к ним припожалуют, причем туда, где мнимые переселенцы будут готовы их встретить. А что для арачей может быть более желанной приманкой, как не небольшой караван переселенцев. Старожилы предполагали, что отряд будет не более чем в два десятка воинов, что вполне логично.

– Место вроде и впрямь неплохое. Как думаешь, они нападут ночью? – посмотрев на уходящее к закату солнце, поинтересовался Алексей.

– Все зависит от того, обнаружили они нас или нет. Если уже обнаружили, то возможно. Хотя и необязательно.

– Почему?

– Так ведь они не на вражий отряд собираются нападать, а на переселенцев, если только в наших «барышнях» не распознали мужиков. Им нужна добыча. Ночью проще ненароком пришибить какую бабенку, опять же, коней и скотину попортить, а все это – их добыча.

– Но ведь ночью они могут вырезать всех по-тихому?

– Это только в ваших книжках все так просто, господин писатель. В жизни такого не бывает. Здесь путники даже на освоенных землях держатся настороже. Есть, конечно, дураки, но эта диковинка здесь долго не живет или не суется в дикие земли. Так что на такой расклад арачи рассчитывать не станут. А вот напасть на закате или на рассвете – это то, что нужно. Неплохо еще и во время движения. Есть шанс, что какой-нибудь возница не выдержит и начнет нахлестывать лошадей, караван распадется, и взять его по частям будет куда проще.

– Значит, они могут и не напасть на нас здесь?

– Уж лучше бы напали. Здесь можно по склонам секреты расставить и устроить настоящую мясорубку хоть сотне арачей. А если в движении, то будет гораздо сложнее.

– Значит, расставим вокруг секреты?

– Именно. У повозок оставим восьмерых. Начнется бой, они займут позиции в повозках, а то еще арачи захотят там обустроиться.

– Может, не рисковать и оставить у костров чучела?

– Не пойдет. Пинки не дураки. Если ожидать ночную ата-

ку, то можно и так. Но если днем с появлением арачей не начнется никакого движения, то они заподозрят неладное и тут же повернут назад. А нам того не надо. Все должно быть по-настоящему.

– Что ж, доверюсь твоему опыту. Только одна просьба. У скалы нужно будет выкопать окопчик и замаскировать его хорошенько.

– Не далековато? – ухмыльнулся командир отряда, а именно им Рваное Ухо по сути и являлся.

Никогда не лезь туда, в чем ничего не понимаешь. В истории есть множество примеров, когда некомпетентность была причиной множества бед. Алексей не имел опыта не то что командования людьми в боевой обстановке, но и участия в боях. Стычка с бандитами и глупо полученная пуля да убийство разыскиваемого преступника (он уже знал историю Ирманана Болана) – вот и весь его опыт.

Именно поэтому Болотин позволял себе только выказать сомнения, обращая внимание на то, что его смущало. Он получал обстоятельные ответы, а значит, наработывал кое-какой опыт. А еще мог в какой-то степени повлиять на то или иное решение. Так, например, идея с фальшивым караваном принадлежала именно ему. Но Рваное Ухо согласился с его планом с явным энтузиазмом, что говорило о дельности предложения.

С одной стороны, срок службы сокращался, что вроде как ему невыгодно. Но с другой – наниматель обещал премию за

скорейшее обнаружение следов его друга. Поэтому внакладе они точно не останутся, а заставив арачей играть по своим правилам, они еще и имеют неплохие шансы, чтобы остаться в живых и потратить заработанное, а не надеяться на то, что товарищи поднимут чарку-другую за погибших.

– Далековато, – согласился с Рваным Ухом Алексей. – Но по-другому никак. Мои операторы с трудом отличают приклад от ствола, так что пусть уж из безопасного места. И хорошо бы им выделить парочку парней, чтобы, случись что, могли защитить.

– Хотите заснять все на преобразек?

– Если нападут не ночью, то отчего бы и нет.

– Тогда и впрямь далеко.

При этих словах Алексей с нескрываемым удивлением посмотрел на мужчину. Это что же получается, обычный боец открытых просторов, не умеющий ничего, кроме как стрелять, разбирается в преобразеке? Чудны дела твои, Господи. Вот уж чего о нем не подумал бы.

– Я как-то сопровождал в приграничье одного фотографа, – смущенно начал пояснять Рваное Ухо. – Он старался подходить поближе, если хотел сделать хороший снимок. Они ведь одинаково работают, ну этот преобразек и фотографический аппарат.

– Принцип один, – согласился Алексей. – Но мы тут кое-что придумали, надеюсь, что получится.

По его предложению и впрямь было внесено одно новше-

ство – сменный объектив. Поэтому когда нужно было снимать издали, объектив заменялся одним из трех, в зависимости от расстояния. Трудность была только в том, что каждый раз объектив нужно было откручивать, чтобы заменить другим. Разумеется, делать это нужно было с незаряженным аппаратом, иначе можно засветить пленку.

Идея Алексея понравилась одному из инженеров, и тот сейчас занимался ее разработкой. Аппарат с тремя объективами, которые, проворачиваясь, позволяли бы ловить различные планы по ходу съемки, имел бы большие преимущества. Стоит ли говорить, что деньги на работу выделил Болотин, и далеко не безвозмездно. Он вообще в последнее время все больше превращался в настоящего дельца.

Вообще-то самый мощный объектив способен хорошо приблизить картинку. Но тогда можно было бы снять происходящее только в одном плане, а хотелось большего. Именно этим и объяснялось согласие Алексея с мнением Рваного Уха.

Решение нашлось, стоило только обратиться к оператору. Оказывается, тот и мысли не допускал, чтобы расстаться с дорогостоящей аппаратурой. Основные запасы пленки и реактивов он, конечно, оставил на хранение в гостинице в Крумле, а что касается аппаратов, то оба они были в повозке. Он просто настроит преобразек и вручит помощнику, которому останется только вращать ручку. Конечно, два плана – это не то что три, но и куда лучше одного. Все же нужно бу-

дет ускорить работу инженера.

Хотя... Тот настолько увлекся, что, возможно, к моменту возвращения Алексея уже будут первые результаты. Местные обладали прекрасной соображалкой, а главное – рвением и самоотверженностью. Только успевай направлять их в нужное русло, и результат не заставит себя долго ждать.

К обустройству позиций секретов приступили только с наступлением темноты. Тогда же смогли покинуть свои места в повозках поскрипывающие затекшими членами и остальные члены отряда. По стоянке то и дело разносились приглушенные смешки и подтрунивания над парнями, обряженными в женские платья. Случилась даже короткая потасовка.

Один из рьяных весельчаков настолько увлекся, что шлепнул по задку одну из «женщин». За громким шлепком последовал удар в челюсть. Потом забряцало оружие, слышались звуки взводимых курков...

Рваное Ухо навел порядок молниеносно и жестко. Ока завшись в эпицентре событий, он двумя ударами свалил на землю обоих бузотеров, а затем, обведя всех собравшихся угрюмым взглядом, предложил им проваливать и заняться своими делами.

Точку в этом деле поставил Алексей. Мотивируя свои действия тем, что ему приходится выплачивать дополнительную премию тем, кто согласился изображать женщин, он попросту оштрафовал зачинщика на одну крону. Вообще-то они здесь, чтобы заработать, а не терять заработок из-за сомни-

тельного удовольствия приложиться к мужскому задку. Поэтому подобные эксцессы больше не повторялись.

Незатейливый, но сытный ужин прошел быстро. Сразу после остановки «женщины» озаботились приготовлением пищи, это на случай, если за отрядом все же велось наблюдение. Покончив с ужином, все начали расходиться по местам, указанным Рваным Ухом. Каким образом люди будут оборонять свои позиции, его не касалось. Не маленькие, разберутся.

Алексей и Ванек устроились за своим валуном на южном склоне. Подошел Рваное Ухо, сделал кое-какие замечания. Помог получше замаскировать позицию. Указал направление, в котором следует вести огонь, в зависимости от того, с какой стороны произойдет нападение. Толковый боец, чего уж.

– И помните, что бы ни случилось, держите свое направление, – наставлял он своих подопечных.

– А если?..

– Никаких «если», – осек он Болотина, – что бы ни случилось, держите свою позицию. Остальное вас не касается. И поаккуратнее с гранатами, не забывайте, что в повозках наши, а то забросите им гостинец.

– Ладно, с этим понятно. Но если нападут с двух сторон?

– Такое тоже может быть. Тогда разделитесь. Один держит одно направление, второй другое, или помогаете друг дружке. Тут уж сами решайте, по обстановке. Ладно, мне

еще остальных обойти надо.

Сидеть без лишнего движения, да еще когда температура начала падать, – то еще удовольствие. Тут ведь как получается: весь день в седле, а потом еще и сидение в секрете. В принципе можно по очереди вздремнуть, но командир наемников настаивал на том, чтобы никакого отдыха.

Сложно удержаться, чтобы не смежить веки, когда твой напарник спит, усталость-то у всех присутствует. Так что лучше бы перетерпеть и присматривать за товарищем. Алексей предложил было распределить бойцов по тройкам, но Рваное Ухо отверг подобное предложение. У них не так много людей, чтобы в достаточной мере перекрыть все необходимые позиции. Вон даже пришлось пару человек забрать из повозок, чтобы выставить еще один секрет. Интересно, а что они будут делать, если пинки не нападут ни этой ночью, ни на следующий день.

Холодно. Тело затекло так, что с трудом удастся пересилить желание встать и размяться. Ох уж эти игры в войнушку. Впрочем, какие там игры. Игра – это весело, задорно, где-то волнительно, а тут... Алексею было страшно. Вроде бы все предусмотрели и сами увлекают арачей. Все логично и обоснованно. Наемники уверены в успехе и готовы показать пинкам кузькину мать. Но отчего-то решимость, переполнявшая Алексея вначале, постепенно таяла. Незадолго перед рассветом им уже откровенно овладела тихая паника.

Он не бился в истерике и старался держаться молодцом.

Но бросил украдкой взгляд на спрятанные от Ванека руки и выявил дрожь. Желудок уже давно сковывает холодный спазм, который временами отпускает, но только для того, чтобы волна холода прокатилась по всему телу. Затея, казавшаяся еще недавно правильной, таковой уже не видится. Конечно, он готов ради поисков Сергея на многое и, видит бог, сам искренне в это верит. Но что делать с перехватывающим дыхание страхом? Уж лучше бы началось. Хуже нет, чем ждать и догонять.

Вот и рассвет. Солнце еще не взошло, но видно уже значительно лучше. Предрассветные сумерки истаяли быстро. Даже не так холодно, как было еще недавно. Самая малость, и на востоке из-за холмов появится алый диск. Сомнений в том, что начинается очередной жаркий день, никаких. Предстоящее пекло ощущается буквально всем телом.

Оно бы и ничего. Стоянку они разбили у глубокого ручья с каменистым дном. У повозок растянуты полога, где можно в тени укрыться, по распадку дует ветерок с завидным постоянством и, судя по всему, если успокоится, то не скоро. Ополоснись в холодной воде да укройся в тени. Так можно и не один день простоять.

Трудность только в том, что если арачи не появятся сегодня, то нормального отдыха не получится, а силы не бесконечны. Усталость имеет свойство накапливаться, и лучше бы не злоупотреблять стойкостью людей, не железные ведь. Об этом они как-то не подумали, а стоило бы. Если противник

не появится в течение пары часов, нужно будет решать, как быть.

Ага. Сейчас лучше озаботиться другим вопросом. Вот они, голубчики. Несутся во весь опор. Чего же они не орут, как это у них принято? Алексей бросил взгляд на стоянку. Его позиция, конечно, повыше, но и оставшимся в лагере налетчики должны быть хорошо видны, до них едва ли три сотни метров. Да они и видят, это заметно по опасливым взглядам, бросаемым в сторону несущихся всадников. Однако парни ведут себя так, словно ничего не происходит. Арачи же в свою очередь наблюдают за лагерем, а потому пока не шумят, выжимая максимум из внезапной атаки.

Но вот уже слышится топот копыт. Изображать из себя глухослепых теперь глупо. Несоответствующее поведение может вспугнуть пинков, а они нужны внутри кольца секретов. Ловушка должна захлопнуться, иначе могут случиться проблемы. Вернется кто из арачей в свое стойбище и принесет весть о военном отряде белых. Как оно потом все дальше обернется, бог весть, поэтому лучше бы их всех тут прищучить.

Вот люди у повозок «заметили» опасность, небольшая суета, которая с позиции Алексея выглядит несколько наигранной. С другой стороны, тут как ни играй, все будет похоже, разложить по полочкам поведение человека в экстремальной ситуации попросту нереально. Послышались дикие крики арачей, то ли подбадривающих самих себя, то ли стараю-

щихся навести жуть на атакуемых. Последнее вряд ли имело бы успех даже с обычными поселенцами: слишком далеко и едва слышно.

Наконец недолгое «бестолковое» метание прекратилось. Произведя несколько заполошных выстрелов в сторону приближающегося противника и, разумеется, ни в кого не попав, люди полезли в повозки. Ну и правильно, дистанция уже едва ли две сотни шагов, нечего дразнить судьбу. Они и без того сейчас окажутся под перекрестным огнем. Одна надежда на высокие борта из толстых плах и бойницы.

Пинки напали с одной стороны, прямо по распадку. Удачно так напали. Хотя тут, скорее всего, виноваты лошади и скот, которых «поселенцы» оставили с восточной стороны. Это как-никак добыча, так чего же ею рисковать лишний раз. Врачи даже не стреляют, боясь, что могут попасть в животных. Впрочем, возможно, Алексей и ошибался, а причина в экономии боеприпасов. Вот окружают повозки, сойдутся накоротке, тогда и попасть легче, и вероятность, что пострадают животные, меньше.

Алексей поудобнее устроился за своим валуном, стараясь не отвечивать. Не хватало еще привлечь к себе внимание. Любая оплошность сведет на нет все старания по устройству ловушки. Из повозок раздались первые выстрелы, на этот раз куда более результативные: двое арачей покатались по земле.

Болотин начал было волноваться по поводу жидкого огня

из повозок, а ну как пинки насторожатся и отвернут. Но в следующее мгновение понял, что эти страхи напрасны. Ничего они уже не успеют. У них теперь только один выход – ни в коем случае не останавливаться и постараться проскочить распадок насквозь на максимально возможной скорости. Остановятся или замешкаются – и все, превратятся в мишени.

Не сообразили. Может, подумали, что остальные поселенцы со сна еще не успели добраться до оружия. Может, решили, что это новички, которые предпочли не тратить лишние деньги на оружие и прикупить чего полезного для обустройства хутора. Ничего удивительного, хватало и таких, даже среди тех, кто собирался обустроиться на пинкской территории.

Арачи закружили вокруг повозок, оглашая распадок выстрелами и обрушивая на повозки свинцовый град. Еще немного – и, убедившись, что противник загнан в ловушку, часть нападающих начнет спешиваться и брать повозки на абордаж, одну за другой. Чего же Рваное Ухо не подает сигнал? Первый выстрел за ним, но он не спешит. Вот около трети из двух дюжин арачей соскользнули с коней. Примерно половина из них вооружена холодным оружием, оно и понятно, от длиннотвола в повозке будет мало толку, но у второй половины имеются револьверы.

Именно в тот момент, когда арачи двинули на штурм, выстрелил карабин Рваного Уха. И тут распадок буквально взо-

рвался. Интенсивность стрельбы увеличилась в разы. Беспрерывная трескотня «дятличей» и басовитые раскаты «баличей» зазвучали наперебой и накладываясь друг на друга.

Спешившиеся арачи остановились в нерешительности, сиюсь понять происходящее. Что тут скажешь, ситуация и впрямь резко изменилась. Всадники сориентировались сразу, начав хлестать коней и стремясь выскочить из распада в ту же сторону, откуда появились.

Два выстрела Алексея ушли в белый свет как в копейку, хотя к первому он готовился основательно. Скорее всего, виной тому адреналин, буквально бушевавший в крови и не находящий выхода. А может, это просто банальный страх, из-за которого руки ходили ходуном. Как бы то ни было, но всадник, взятый им на прицел, так и остался невредимым. Данное обстоятельство настолько раздосадовало Болотина, что он зло выматерился, причем сделал это в голос, чего за ним раньше не водилось.

Он считал себя хорошим стрелком, но, как видно, стрельбище, даже на качающейся палубе, – это только стрельбище. Реальный же бой, с невоображаемым противником, – совершенно иная ипостась. Но он не может стрелять вот так! Эти... Они... Нет, Сергей конечно же жив, он в это верит, но если... То соплеменники именно вот этих...

Отчаявшись попасть в кружащихся всадников, он быстро посадил на мушку одного из спешившихся арачей и с каким-то остервенением нажал на спуск. Приклад привычно

легко толкнул в плечо, а пинк вдруг мотнул головой и изломанной куклой повалился на траву. Есть!

Взять на прицел очередного спешившегося? К лукавому! Теперь всадник. Ни один не должен уйти, а эти пока ограничены в маневре. «Дятлич» уже готов к выстрелу. Алексей повел ствол в сторону. Вот всадник, нахлестывающий коня. До него метров полтора, он все еще в пределах прицельной дальности. Большой палец левой руки с легкостью находит г-образную планку прицела и переставляет на максимальную дальность. При этом Алексей не отводит взгляда от спины человека, которого он никогда не видел, но уже ненавидел всем своим существом.

После первого успеха им овладела какая-то эйфория, голова словно поплыла в каком-то дурмане, но от этого мозги заработали более четко, быстро раскладывая все по полочкам, несмотря на стремительно меняющуюся обстановку. Дрожь и неуверенность испарились, как нечто инородное. Рука тверда, а все существо переполняет жажда новых достижений. Ну прямо как в компьютерной игре, если позабыть о захлестывающих через край эмоциях. За дисплеем он стремился быть лучшим и заработать как можно больше очков, тут же он жаждал крови.

Он задержался с выстрелом, но, когда тот прозвучал, арачи слегка повело в сторону, и он свалился, как бы скручиваясь. Мгновение – и он упал рядом с промелькнувшими копытами своего коня. Его по инерции протащило по траве еще

метра три, и наконец он замер абсолютно недвижимым.

Несмотря на то что арачи угодили в расставленную ловушку, нужно отдать им должное, сориентировались они довольно быстро. Конечно, можно предположить, что они просто испугались и бросились наутек. Но на деле это было не так. Быстро оценив ситуацию и поняв, что их зажали в клещи, они тут же начали уходить. Причем для отхода выбрали именно то направление, откуда пришли и где не было никаких сюрпризов. И у них должно было получиться, по меньшей мере около десятка всадников уже были на границе кольца и имели все шансы, чтобы вырваться.

А вот вам привет от Верной Руки, йок макарёк. Когда спасение было уже близко, перед всадниками полыхнули резкие вспышки и один за другим прогремели четыре взрыва. Для и без того напуганных лошадей это оказалось слишком. Часть из них бросилась в сторону, часть встала на дыбы, две лошади вместе с всадниками с ходу полетели наземь, опрокинувшись через голову. А взрывы продолжали греметь один за другим, перемежаемые непрерывной трескотней выстрелов.

И вдруг как разом отрезало. Распадок погрузился в мертвую тишину. Конечно, слышались отдельные выкрики, стоны раненых и полное страданий ржание покалеченных лошадей. Но на фоне того, что здесь творилось еще совсем недавно, это звучало куда как тише, правда, настроения подобные звуки не добавляли. Во всяком случае, Алексею, которого как-то разом отпустило и он взглянул на происходящее со-

всем другими глазами.

Все эти раненые и убитые были на его совести. Именно он снарядил и привел сюда самый настоящий военный отряд. Он придумал план, согласно которому более чем двух десятков мужчин, еще вчера обнимавших своих родных, вдруг не стало. Нет, кое-кто из них все еще жив, но и это ненадолго. Именно из-за них все и затевалось. Ему нужна была информация, и добыть ее можно было только у пленных. Он не был наивным, а потому прекрасно понимал, как именно будут добываться эти сведения, пусть и не им самим, но по его заданию и за вознаграждение, которое выплатит он же.

Алексей так и оставался за валуном, который ему и Ванеку определил как позицию Рваное Ухо. Уже послышалась команда осмотреть распадок. Мало того, стали раздаваться единичные выстрелы. Это либо контроль, либо добивали тех, кто был слишком тяжело ранен. Алексей попросту не смотрел в ту сторону, предпочитая разглядывать окопчик с операторами, находящийся сзади, метрах в ста по склону.

Вот из него показались сначала двое, определенных для охраны. Эти вооруженные «баличами» также участвовали в обстреле, Алексей помнит, что слышал выстрелы за спиной. Бой закончился, подопечные живы и здоровы, а носить их поклажу бойцы не подражались, поэтому поспешили вниз. Пинки, конечно, нищие, но кое-чем можно прибрахлиться и у них, а там сейчас всю идет сбор трофеев.

Вскоре появились и двое операторов с аппаратами на пле-

чах. Их работа закончилась, снимать то, что началось после боя, у них не было никакого желания. Мерзко и противно. Лица бледные, старательно отворачиваются от происходящего, пытаясь смотреть только на Алексея и Ванека, привалившихся к шероховатому валуну и следящих за их действиями.

Болотин украдкой бросил взгляд на Бенеша. Бывший каторжанин был абсолютно спокоен. Ну да, ничего удивительного, на его руках была кровь, причем убивал он ножом, а если верить слухам, то убийств на его совести гораздо больше, чем было доказано. Так что спокойно привалившийся к камню и жующий травинку Ванек – картина вовсе не странная. Тут впору думать, отчего он остался в стороне от разворачивающегося совсем рядом. Но ответ Алексею был прекрасно известен – Ванек Бенеш отправился в это путешествие не за острыми ощущениями, испытываемыми при убийстве, а чтобы присматривать за нанимателем. Вот он и присматривает.

Что действительно должно было показаться ему странным, так это собственное поведение. Ведь он убивал уже, и не раз. Однажды так и вовсе задушил человека собственными руками. Отчего же он так комплексует? Да к чертям собачьим. Он не кровожадный маньяк, чтобы спокойно реагировать на подобное. Нет, необходимость таких действий он понимает и принимает, но это не значит, что он получает удовольствие. Кстати, Ванек тоже вовсе не считает то, что

здесь произошло, развлечением, просто он куда лучше владеет собой.

— Ну как панорама? — обратился Алексей к подошедшим оператору и его помощнику.

— Панорама отличная. Получилось и крупные планы снять, и общий. Вообще впечатление неизгладимое. Повторить подобное в кинофильме вообще нереально, — возбужденно ответил оператор.

В ответ на это Алексей только загадочно улыбнулся. Ох, ребятки, не ведаете вы, у истоков чего стоите. Пройдет время, и реально будет не то что это, а куда более масштабное и притягательное. Взять хоть современные Алексею картины, там спецэффекты зашкаливают настолько, что реальное и рядом не стоит по зрелищности, смотрясь серо и уныло в сравнении с режиссерской постановкой. Так что дайте только время.

— А вот то, что началось потом... — посмотрев в сторону прохаживающихся по месту схватки наемников и тут же переведя взгляд опять на Алексея, произнес оператор.

Болотин только тяжело вздохнул. Собственно, ничего удивительного в поведении молодого человека нет. Парню было всего лишь двадцать лет. Он был сыном фотографа, и все говорило о том, что он пойдет по стопам своего отца. Но случилось так, что парень просто влюбился в преобразек. Молодой человек, готовый положить на алтарь преобразека свою жизнь... Да это просто находка.

На фильмо студии Болотина было еще три оператора, но все они были обременены семьями. Так что кому, как не молодому и преисполненному романтизмом, отправиться в подобное путешествие. Он сам вызвался, едва только было озвучено, что именно собирается снимать Алексей и куда будет представлена работа. Это был реальный шанс увековечить свое имя.

Но, как видно, молодость являлась еще и проблемой. Ни разу еще Либор не выказывал своего неудовольствия, с азартом запечатлевая все, до чего мог дотянуться его объектив. Он снимал панорамы Нового Света в городах, из вагона поезда, с палубы парохода, на заставе Паюла. Записывал на фонограф рассказы старожилов Нового Света. Но, столкнувшись не с рассказами, а с самой настоящей реальностью, не мог просто пройти мимо подобной грязи.

– То, что началось потом, Либор, – ответил парню Алексей, – это уже не фильм, а жизнь. Жестокая, грязная и противная, но жизнь.

– Пусть и так, но это я снимать не стану.

– Ну и правильно. Да, похоже, ты теперь стал смотреть на наших парней как-то иначе. Это сразу заметно. Так вот, спрячь свое презрение подальше. Мне тоже претит то, что они делают, но это необходимо, а потому просто отнесись к этому как к должному. И потом, именно от этих ребят зависят наши жизни. Нехорошо презирать тех, кто готов рисковать ради тебя, даже если ты больше их никогда не увидишь.

– Я не хочу ничем быть им обязанным и хотел бы вернуться, – упрямо сжав губы в тонкую линию, выдавил оператор.

– Боюсь, что ты можешь двигаться только вперед. Одному тебе не выбраться, а мы возвращаться пока не планируем. И потом, ты не забыл, что у тебя контракт?

– Я не предполагал, что будет такое.

– Но ведь ты знал, что предстоят схватки и перестрелки, – поднимаясь, возразил Алексей. – Понимаю, тебе все это представлялось несколько иначе, более романтично. Прости, но жизнь жестокая штука.

– Господин Дворжак, мы взяли четверых раненых, которые вполне годятся для разговора, – доложил подошедший Рваное Ухо.

– Хорошо. Не передумал, сам будешь с ними беседовать?

– Сам конечно же.

– Знаешь, я слышал твою историю. Но если можно, обойдись без лишнего.

Предупреждение Рваному Уху небезосновательное. Было дело, он как-то попал в руки окатов, проживающих значительно севернее. Попал не просто так, а после схватки с пинками, положив двоих из них. Двое суток он провел у пыточного столба. Несмотря на то что здесь шрамов никто не чувствовался, Рваное Ухо все же предпочитал не раздеваться на людях, уж больно жуткие отметины оставили истязатели на его теле. А ведь взгляни на него в одежде, так ни о чем подобном и не подумаешь.

Тогда ему, еще молодому парню, повезло. Отряд пинков был сборным, состоял в основном из молодых воинов, шлявшихся по степи в поисках добычи. Поэтому далеко от границы они не отделились, устроив себе потеху в укромном уголке и отдыхая после трудного перехода, а также распределяя добычу, взятую с двух семей поселенцев. Ну и получая удовольствие, насилая женщин, куда же без этого. А в перерывах между этими занятиями или так, от нечего делать, кто-нибудь проверял на прочность единственного пленного мужчину.

Так вот, к исходу вторых суток на окатов вышел драгунский разъезд. После короткой стычки, потеряв четверых людей и всю добычу, пинки ретировались. Несмотря на серьезные увечья и уверенность в том, что он не жилец, Рваное Ухо выжил и получил вот это самое имечко, причем не от рустинцев, а от окатов.

Ожидать, что после такого мужчина будет испытывать нежность к пинкам, было бы глупо. Именно поэтому Алексей и решил его предупредить. Ему не нужна мученическая смерть арачей, а только информация, хотя и живыми он их отпускать не собирался.

– Не волнуйтесь, господин Дворжак. Если глупить не будут и расскажут все, что знают, то отправлю на небеса чисто и без затей.

– Погодите. Вы что же, убьете их, даже если они расскажут все, что вам нужно? – возмутился оператор.

– А что мне их, зобряткой угощать? – удивился постановке вопроса мужчина.

– Но ведь нам нужны только сведения.

– Слушай сюда, умник. Если бы на нашем месте оказались настоящие переселенцы, то тут сейчас так тихо не было бы. Где-нибудь неподалеку орала бы какая-нибудь баба, а стоящие в очереди, чтобы ее поиметь, арачи гоготали бы от удовольствия. Чуть позже и, может быть, в другом месте загорелся бы костер, и всех мужиков, которые попали им в руки живыми, пытали бы так, что они молили бы о смерти. Еще раз попробуешь посмотреть так на меня или моих людей, я тебе башку оторву, и тридцать шесть хороших парней под клятвой заявят, что ты погиб в бою с пинками. Понял?

– П-понял, – глядя в глаза обозленного Рваного Уха, пролепетал оператор.

– Ухо, поаккуратнее на поворотах. – Это уже Ванек не выдержал. Все же молодые оператор с помощником, как и работодатель, – его ответственность.

– Что ты хочешь этим сказать, Ванек?

– То, что, прежде чем добраться до них, тебе нужно будет пройти через меня. Смотри, смотри, только гляделки не сломай.

– Так, успокоились все. Ванек, Рваное Ухо. Мы здесь, чтобы выяснять отношения или чтобы делом заниматься? – поспешил снизить накал Алексей. Не хватало еще разборок на ровном месте.

– А вы не нас успокаивайте, господин Дворжак, а своему мальцу мозги вправьте. Не все же такие покладистые, как я, – все же решив не нагнетать, произнес командир наемников.

– Я позабочусь об этом, – заверил Алексей.

– Ну тогда я пошел отрабатывать жалованье.

– Либор, чтобы больше ничего подобного не повторялось, – жестко припечатал Алексей, стеганув парня строгим взглядом.

– Вы знали... Вы с самого начала знали, как все будет, – словно только сейчас поняв, на кого именно работает, обличительным тоном произнес Либор.

– Разумеется, знал. Я ведь долгое время провел в этих краях. Или ты, как и те умники из разных салонов, решил, что я никогда не ходил дальше библиотеки и весь мой жизненный опыт основан только на сведениях со страниц книг?

– Значит, вы такой же. Ради того, чтобы найти одного человека, который может обогатить ваш опыт для последующих сочинений, вы с легкостью готовы разменять десятки жизней.

Все именно так. Только Ванек был в курсе настоящей истории, остальным была предоставлена самая удобоваримая легенда. Так что в разговоре с молодым человеком Алексей не мог засветить свой самый большой козырь – настоящую дружбу. Да и бог с ним. В конце концов от него требуется только выполнять свою работу. Пока в этом плане нареканий не было, что же касается остального...

– Молодой человек, я не собираюсь оправдываться перед вами. Вам должно быть достаточно того, что каждое слово, сказанное Рваным Ухом, правда. И чтобы больше вы себе ничего подобного не позволяли. Это приказ. Вам ясно?

– Ясно, господин Дворжак, – недовольно буркнул парень.

От той растерянности, что была при общении с главой наемников, нет и следа. Ну да, а как же иначе, Дворжак в его понимании – представитель цивилизованного общества и не позволит себе опуститься до убийства подобного себе даже в этих диких краях.

– Паря, ты бы сдулся, – провожая взглядом удаляющуюся фигуру работодателя, ровным голосом произнес Ванек.

– Что?

– Сам подумай. Почему эти арачи напали на нас?

– Ну... Потому что приняли нас за переселенцев.

– А что случилось бы, если бы они нас заметили?

– Не знаю. Наверное, вернулись бы в свои стойбища.

– Волк вышел на охоту, не нашел дичи и вернулся к своей волчице и щенкам без мяса. Нет, парень, так не бывает. Они рыскали бы по степи, пока не нашли бы то, что искали. Сегодня им не повезло: они нашли волкодавов.

– Получается, что эти, – Либор кивнул подбородком в сторону наемников, – еще и благородное дело сделали.

– А ты думал. Сегодня мы прищучили банду дикарей и этим кому-то из поселенцев спасли жизнь. Ну и как, по-твоему, благородное это дело или нет? Так-то, парень.

– Но убивать пленных...

– Погано, согласен. Но каждому воздастся по делам его. Врачи не жалеют пленников, так с чего мы должны жалеть их.

– Но вы ведь тоже бывший убийца, но вас не казнили, а определили на каторгу, и вы исправились.

– Исправила меня не каторга, а то, что я повстречал хорошего человека. Так что кем я был, тем и остался – убийцей. А касается врачей... Ты же слышал, что сказал Рваное Ухо: ответят на вопросы – и никто их пытать не станет. Насколько я знаю, пинки никогда не дают выбора своим врагам и, если есть возможность, всегда пытаются. Развлечение у них такое. Так что держи свой язык за зубами и подумай. И это... Побудь здесь, пока я не позову, а то еще без чувств грохнешься, возись потом с тобой.

Разговор с Либором сильно разозлил Алексея. С одной стороны, не хотелось ломать неокрепшую психику, но с другой... Кто он такой, чтобы осуждать жителей границы? По сути, местные просто обязаны быть готовыми к тому, чтобы дать достойный отпор, и они вполне уживаются с теми пинками, которые стремятся к доброму соседству. Их слово так же крепко, как и слово пинков. Здесь даже договоры составляются очень редко, достаточно просто ударить по рукам, и это гарантирует выполнение условий куда лучше, чем бумага с гербовой печатью.

Да, ни один белый не станет необдуманно стрелять в пин-

ка, так как тот может оказаться из дружественного племени. Причем это относится не только к рустинцам, но и к тем же валийцам. Простые люди с радостью жили бы с пинками в мире до скончания веков, в конце концов, они здесь ради лучшей доли, а не из-за жажды крови. И будь так, эти места изменились бы – постепенно, медленно, но неуклонно. Это правительства с их интересами и политикой приводят к войнам и практически поголовному истреблению аборигенов.

Конечно, хватает и больных на всю голову как среди пинков, так и среди белых. Но это вполне регулируется жесткими законами фронта и готовностью соседей прийти на помощь. Разумеется, льется кровь. Но где она не льется? Где то место, тот город Солнца, где все любят друг друга, равны между собой и живут в достатке? Нет его и быть не может. Утопия, она и есть утопия.

– Готово, господин Дворжак.

Алексей, сидевший в тени растянутого тента, привалившись к колесу повозки, приподнял шляпу, так, чтобы из-под ее полей было видно подошедшего Рваное Ухо. Потом поднялся, отряхнул налипшие травинки и повел плечами, разминая слегка затекшее тело. Все же бессонная ночь не могла не сказаться, его разморило, и он сам не заметил, как задремал.

– Странно. Я ничего не слышал. Так крепко уснул?

– Не слышали, потому что ничего и не было. Раны мы им не перевязывали, но и не измывались. Они сами все рас-

сказали.

– Сами?

– Ну а чего удивляться. Вот если бы мы стали расспрашивать, где их собратья или где находится стойбище, тогда только держись. Но вопросы-то никак не касаются их родных.

– Это как посмотреть. Сомневаюсь, что тот род, который причастен к смерти Верной Руки, останется невредимым.

– Вы готовы настолько потратиться? Тут понадобится сотня бойцов, не меньше, да еще снаряжение.

– Можете не сомневаться.

– Станный вы. Ну да ладно, все одно этого не потребуются. Верная Рука не попал ни в одно стойбище арачей. Все пленные в один голос утверждают, что он в очередной раз сумел выскользнуть из рук их соплеменников.

– Может, врут и хотят отвести беду от стойбищ?

– Не. С каждым я беседовал отдельно, так, чтобы другие не слышали, и потом не сводил вместе. Если бы они знали, о чем их будут спрашивать, то сговорились бы, а так... Не врут.

– Ладно. Так что они тебе рассказали? Верная Рука жив?

Алексею трудно было сдерживаться, но он старался изо всех сил казаться спокойным, хотя сердце и ухало тяжелыми ударами.

– По их словам получается так, что, может, и жив, а может, и мертв. Отряд арачей прижал шевронов к Мраве, но тут им

пришла помощь с парохода. На нем вроде как были куроки. Странное дело – куроки и пароход. С другой стороны, кого только на реке не повстречаешь. Жить-то всем нужно.

– Так что там с шевронами, – вернул наемника к насущному Алексей.

– Да непонятно все как-то. По рассказам получается, что одного из них убили, об остальных ничего толком не понятно.

– Но одного точно убили?

– Точно. Он вроде остался прикрывать тех двоих, что убежали к реке.

Остался прикрывать отход. Это очень похоже на Сергея. Он никогда не позволил бы себе пройти мимо, если имел бы возможность помочь. И потом, он был десятником, а значит, те двое – его подчиненные, а еще боевые товарищи, прошедшие с ним, судя по бумагам, весь путь от начала и до конца. Значит, Сергей все же погиб.

– Кто-то из них был там?

– Нет. Они знают это по рассказам, – пожав плечами, ответил наемник.

Ну и что меняют полученные сведения? Да ничего не меняют. Все так же нет того, кто видел бы Сергея мертвым. Значит, ничего еще не закончилось. Выходит, Болотин там же, где был раньше. Только теперь он знает немного больше. Даже если Сергей и погиб, то есть вероятность, что жив кто-то из его товарищей и нужно его искать, нужно найти куроки,

что были на том пароходе. А может, они их увезли к своим шатрам? Так где сосредоточить свои поиски – в степи или на обжитой территории? Вот, казалось бы, все начало проясняться и тут же запуталось еще больше.

– Если здесь замешан пароход, то нужно возвращаться, – все же решил Алексей.

– А мне кажется, вы торопитесь.

– У куроки есть пароходы?

– Нет, про это я ничего не слышал.

– Понятно. Чем дольше продлится наем, тем больше за-работок.

– Это так, да только вы и без того обещали уплатить полной мерой, если обернемся быстро. Тут другое. Если Верная Рука среди куроки, то мы это выясним быстро. У них, конечно, нет телеграфов, но вести тут разносятся куда быстрее, чем на обжитых землях. Вот исключим из поиска степь, тогда и начинайте поиск на востоке. Или на юге, в Новой Валенсии.

– А почему там?

– Так пароход может быть откуда угодно. Хотя бы и из того же Медиолана.

– Дьявол, об этом-то я и не подумал. – Алексей немного помолчал, потирая нос, а потом решительно заявил: – Ладно, тогда к куроки. Как пойдем?

– Напрямки оно короче, да только лучше бы через Опань. Незачем дразнить костлявую, мы ведь не собираемся биться

со всеми арачами.

– Хорошо. Только заходить в сам форт не будем.

– Как скажете.

– Да, Рваное Ухо, а как поступим с пленными?

– Так, как я им и обещал, – подозрительно глянув на наблюдателя, ответил мужчина. – Я своему слову хозяин, так что никому глумиться не позволю. Четыре выстрела в голову, и всех делов.

– Я не о том. Может, отпустим?

– Кого? Арачей? Вы в своем уме, господин Дворжак? Или заразились от этого паренька?

Да, Алексея переполняла злость на арачей. Вот только он не был готов ненавидеть всех поголовно. Именно эти пленники не имели никакого отношения к смерти его друга, а значит, и счета к ним у него нет.

– Ну ведь мы узнали все, что нам было нужно, – подпустив в голос как можно больше безразличия, ответил Болотин.

– Правильно. Именно поэтому я и не стану их жечь каленым железом и рвать жилы. Если не можете на это смотреть, так и бога ради, я не прошу.

– Я просто подумал... Кровь ведь порождает новую кровь. Мы убиваем их, они нас, и это будет длиться вечность. Нужно же когда-то начинать договариваться.

– Ясно. Теперь послушайте меня. Если бы сейчас была война и мы взяли бы пленных в бою, то я, может, и прислушался бы к вашим словам. Но войны нет. Если бы арачи по-

требовали, чтобы мы покинули их земли, сделал бы так же. Но они просто напали, чтобы грабить и убивать. При таком раскладе я никого и никогда не отпускал и не буду этого делать впредь. И поверьте, после всего того, что досталось мне, я сама доброта.

– Ладно. Забыли об этом. Возможно, я и неправ.

– Именно что неправы. – Довольный тем, что последнее слово осталось за ним и он утер нос нанимателю, попытавшемуся сунуть этот самый нос куда не следует, Рваное Ухо повернулся, чтобы уйти.

– Послушайте, а что такого случилось между вами и Хором? – Припомнив вражду капитана парохода и наемника, Алексей не удержался от того, чтобы не подпустить шпильку.

– Кхм. А вот это вас не касается.

Кто бы возражал, разумеется, не касается. Но Алексей испытал некоторое чувство удовлетворения оттого, что смог немного подпортить настроение мужику. Уж больно неприятно, когда с тобой говорят в подобном тоне. А еще не нужно давать подчиненным повод чувствовать собственное превосходство, даже в условиях дикой степи. Особенно в подобных условиях. Разумеется, тут главное не напоминать, кто именно платит, а по-настоящему проявить характер.

Алексей с легкостью выдержал тяжелый взгляд наемника. Как видно, то, что Рваное Ухо уловил в глазах нанимателя, ему понравилось. Он снял шляпу и, отряхнув ею пыль со своих брюк, вновь нахлобучил на голову.

– Пьяные разборки. Я тогда здорово ему наkostenялял, едва за оружие не схватились. Но у Хора вздорный характер, и отступать он не привык, как не любит и быть битым. Вот и лезет в драку при каждом удобном случае. Все что-то хочет доказать другим и себе.

– А вы?

– А я стараюсь его обходить стороной. Не хватало еще из-за этого тупицы попасть на каторгу или оказаться на виселице.

– Ясно.

– Ладно. Пойду закончу, и через пару часов выдвигаемся к границе. Здесь нам делать больше нечего.

Глава 3

Встреча

– Лукан? Лукан Губачек?

Сергей обернулся, услышав молодой девичий голос, в котором звучали как вопрос, так и надежда, а еще узнавание. Его примеру последовали и товарищи, с которыми он как раз беседовал, устроившись в тенике на завалинке и наслаждаясь прохладой. Друзья были вполне себе расслабленными и вели вялую беседу. Хват, как всегда, беззлобно подначивал Ануша по любому поводу, тот нехотя отбрехивался. Сергей же, только изредка и с такой же неохотой, выступал в качестве третейского судьи.

Дела шли на поправку. Вернее, друзья уже были, считай, в порядке, чего нельзя было сказать о Сергее. Но и его здоровье значительно улучшилось. Он даже начал себя понемногу нагружать упражнениями, чувствуя себя неуютно из-за постоянной слабости. Видя это, Хитрый Змей только похвалил его усилия и заметил, что и Хвату с Анушем не помешало бы начать заниматься.

Сейчас они как раз отдыхали после очередной тренировки. Правда, Сергей уже начал сомневаться в правдивости утверждения доктора о том, что тренированные мышцы улучшают ток крови, что способствует выздоровлению. Воз-

можно, это и так, но что-то улучшения незаметно, скорее наоборот, сразу же хочется покоя, да и рана болит. С другой стороны, Варакин знал, что пройдет совсем немного времени, и ему станет скучно бездельничать и ощущать себя старой развалиной, и все повторится.

Стоявшая перед ними молодая женщина, а вовсе не девушка, как показалось по голосу, была одета в традиционное пинкское одеяние. Платье из мягкой замши, украшенное иглами дикобраза и купленным у белых бисером, с бахромой на рукавах и по подолу, достигающему до икр. На ногах мягкие мокасины.

Но на этом пинкский образ заканчивался, потому что это была самая настоящая блондинка с длинными волосами, заплетенными в толстую косу, перекинутую через левое плечо и на рустинский манер покоящуюся на высокой груди. Разве только нет и намека на платок, вместо этого на голове повязана ярко-красная ленточка. А еще лицо. Оно сильно загоревшее, но нет ничего общего с медным цветом кожи местных красавиц.

Закончив осматривать девушку и придя к выводу, что она смотрит вовсе не на него, а значит, ни с кем его не перепутала, Сергей покосился на друзей. Ануш полон любопытства и с нескрываемым удовольствием разглядывает красавицу. Загар, он, конечно, не яркий румянец, которым любят щеголять рустинские девушки, но от этого незнакомка ничуть не менее красива. Наоборот, ее образ был весьма притягателен,

а поза и то, что выставляло напоказ платье, вовсе не висевшее балахоном, указывало на стройное и гибкое тело.

А вот Хват... Он застыл от изумления, как соляной столп. Глаза навывкате, рот безмолвно разевается, как у рыбы, вытащенной на берег. Наконец он нашел в себе силы подняться, опираясь на бревенчатую стену. На глазах женщины выступили слезы.

Твою дивизию, сто тридцатый полк! Да ведь они с Хватом на одно лицо! Разумеется, его черты более жесткие и рубленые, но вот сгладь их, придай мягкости – и не отличишь. Ну прямо близнецы, да и только. Тогда получается... Значит, Лукан Губачек. Интересно.

– Будь я проклят. Рузена, – ошарашенно произнес вор.

В следующее мгновение он сделал несколько стремительных шагов и заключил женщину в объятия. Та в свою очередь сжала своими ладонями виски Хвата и стала осыпать его лицо поцелуями, заливаясь слезами и без конца что-то приговаривая. Что именно она говорила, было не понять, да оно и не важно.

Сергей вдруг почувствовал, как к горлу подкатил ком. Нда, нужно быть совсем уж бесчувственным, чтобы спокойно наблюдать за встречей двух людей, которые нашли друг друга после стольких лет разлуки. Долгие годы знать о том, что у тебя не осталось никого из близких, и вдруг обрести родную кровь, – это способен понять только тот, кто терял. Или нет. Вон Ануш, часто моргая, что-то усилено ищет у себя

под ногами.

— Идем, дружище, — опуская руку на плечо Бартовы, с трудом выдавил Сергей.

Парень, правильно поняв старшего товарища, согласно кивнул и, поднявшись, направился к крыльцу. Не стоит мешать встрече дорогих друг другу людей после долгой разлуки. Господи, Сергей был готов отдать все ради встречи со своими родными, но это лишь пустые мечты, проход откроется только через сто лет. Была у него ниточка, связывающая с прошлым, но и ее не стало. Алексей уже давно лежит в сырой земле, убитый неким Ирманом Боланом.

При воспоминании о друге твердый ком сам собой пропал, а Сергея охватила злость. Жаль, не он добрался до этого Ирмана. В его гибели Варакин не сомневался, оставалось только уточнить это, для полного спокойствия. Были у него на этом свете еще обязательства, а потому врешь, костлявая, не возьмешь. Вот найдет этого самого Шимона Дворжака, расспросит его обо всем, а тогда уж можно и успокоиться.

Дверь в палату открылась привычно тихо, без намека на скрип. Если припомнить, что Хват пару часов назад убыл вместе с вдруг обретенной сестрой и ее новой родней, то это мог быть доктор, так как обычно примерно в это время он и навещал своих подопечных. Впрочем, могла быть и сестра милосердия, пришедшая, чтобы поменять повязки. Сергей взглянул в дверной проем и встретился взглядом с Хитрым Змеем.

– Ну-с, как мы себя чувствуем? – с улыбкой доброго дядьки менторским тоном произнес Хитрый Змей.

– Доктор, вы бы хоть разговаривали как-нибудь иначе. Вот гляжу на вас и вижу полное несоответствие. С одной стороны, крепкий воин куроки, с другой – эта речь, приставшая самому настоящему профессору.

– А кто вам сказал, молодой человек, что я не профессор? – все так же изображая из себя научное светило и вздернув бровь, поинтересовался доктор.

– Скажете тоже... Да ну... Не может быть. – Словно придавая весомость своим словам и пребывая в уверенности по поводу собственной правоты, Сергей даже покачал головой.

– Может, молодой человек. Очень даже может.

– А вот в этом месте поподробнее. Ну же, профессор.

У Сергея теперь язык не поворачивался называть Хитрого Змея доктором. Все же к по-настоящему образованным людям у него было искреннее уважение. Кто знает, может, это было вызвано тем, что за всю свою жизнь ему ни разу не довелось видеть настоящего профессора. А может, причина совсем в другом. Но это было.

– Сначала осмотр. Потом... Время у меня есть, так что обещаю вам рассказ. Итак, что тут у нас?

Присев рядом с Анушем, он наскоро осмотрел его, задал несколько вопросов, заглянул в глаза, прощупал и простукал. Осмотр Хитрый Змей всегда начинал с имеющих более легкие ранения, будь здесь Хват, так вначале доктор обратил

бы свое внимание на него. Покончив с Анушем, профессор присел рядом с Сергеем...

– Что же. Должен заметить, что такие больные, как вы, могут только радовать любого доктора. Вы до безобразия быстро идете на поправку. А ведь я сомневался, что мне удастся вас спасти.

– Не дождетесь, – жизнерадостно ответил Сергей.

– И не надо, – тут же согласился Хитрый Змей.

– Так что там с рассказом?

– А рассказывать, собственно, нечего...

Ну это с какой колокольни посмотреть. Как со стороны Сергея, так история вышла весьма занимательная. Все началось еще во времена, когда куроки активно резались с рустинцами, а Хитрый Змей был подростком на побегушках у шамана.

Однажды в стойбище вернулся очередной отряд воинов и привел с собой пленников. По обычаю, их собирались придать мученической смерти. Но тут один из троих белых вдруг стал заступаться за старика с чудными стеклянными глазами. Конечно, то, что белые просили пощады или легкой смерти, вовсе не являлось новостью, но чтобы просить не за себя и не за своего близкого родственника... Это было весьма необычно.

Оказалось, что этот старик был доктором. Шаман, имея далекоидущие планы, воспользовавшись своим авторитетом, отсрочил смерть старика на неопределенное время. Бед-

ныге пришлось наблюдать за тем, как мучились его спутники, отчего потом был не в себе несколько дней.

Но как известно, время лечит. Вот и доктор пришел в себя благодаря заботе, которой окружили его в стойбище по указанию шамана. Тот, памятуя, что белые весьма сведущи в лекарском деле, решил выведать секреты мастерства. Трудно переоценить влияние того, кто способен подарить исцеление.

Доктор прожил в их стойбище почти год. Насколько он был неприспособлен к самостоятельной жизни, настолько же он оказался талантливым в своем деле. За это время шаман успел у него кое-чему научиться, как и сам Хитрый Змей, который превратился в хвостик белого шамана, сопровождая его повсюду. Он же не давал чудаковатого старика в обиду другим подросткам, храбро вступая в потасовки как с ровесниками, так и со старшими соплеменниками.

Доктор умудрялся справляться даже с такими болезнями, где шаман уповал только на волю Великого Духа, камлая над больным. Белый шаман без страха резал подопечных, которые не имели никаких ран, находил заразу внутри и удалял ее, неизменно ставя тех на ноги. Сращивал переломы, и зачастую больные после его забот вели привычный образ жизни, словно и не должны были стать калеками.

Но как ни странно, все вокруг его не любили тем сильнее, чем больше он спасал жизней. А еще его боялись. Однако забота о близких заставляла пинков переступать страх и

идти за помощью к странному старику. Причем обращались к нему не только люди их рода, но все племя. За этот год он вернул к жизни более двух десятков взрослых мужчин и женщин, а еще в их роде не умер ни один ребенок.

А потом случилось так, что один из пациентов умер, и шаман вдруг вспомнил, что смерть старика у тотемного столба вовсе не была отменена полностью, а лишь отсрочена. Хитрый Змей хотя и был молод, но себя не обманывал, память у шамана проснулась из-за того, что, несмотря на страх, все хотели получить помощь именно от белого доктора. Да – непонятный, да – странный, да – внушающий опасения и даже страх, но в то же время способный творить чудеса, он был куда более востребован, чем шаман рода.

– Это был первый человек, которого я убил, – с непередаваемой грустью вздохнул Хитрый Змей.

– Вы? Но из вашего рассказа мне показалось...

– Вам правильно показалось. Я стал учеником шамана, так как мой отец погиб и он взял меня в обучение. А доктор Баньши заменил мне отца, пусть и ненадолго. Да, я убил его, но сделал это по просьбе белого человека. Он очень боялся оказаться у тотемного столба, ведь там его смерть не была бы легкой.

– А что было потом?

– Потом? Потом были другие больные, но все вернулось на круги своя. Кто-то выживал, кто-то умирал. Новый шаман даже брал на себя смелость оперировать, но ни один из

тех несчастных не выжил. Кости срастались как вздумается. Баныши часто говорил мне, что если соединить знания наших шаманов по части природной аптеки и знания белых докторов, то можно добиться очень многого. Белые в большинстве своем утратили эти знания, и в немалой степени благодаря стараниям все тех же докторов с университетским образованием и учеными степенями. Сам Баныши в Старом Свете был пьянчужкой. Но, оказавшись среди нас и лишенный горячительного, он преобразился и на деле оказался по-настоящему талантливым врачом.

– И вы решили пойти по его стопам? – подбодрил Сергей рассказчика.

– Именно так. Науку шамана я уже постиг, оставались знания белых. Когда Бурый Медведь отправлял первых мальчиков в белую школу, я напросился с ними. Вряд ли меня отпустили бы, ведь я был сменой шамана. Но за год общения с доктором я успел выучить рустинский, а потому мог помочь своим соплеменникам. Учился я с неистребимым чувством жажды, как и мой товарищ, Высокая Гора. Потом был переход через океан, учеба в университете.

– Вас приняли в виде исключения?

– Да, именно так. Но только не потому, что я пинк, или, вернее, не только из-за этого, а благодаря Баныши. Перед смертью он вручил мне письмо с просьбой передать весточку, если таковая возможность будет. Долгие годы я хранил его и, попав в Плезию, разыскал адресата. Им оказался ста-

ринный друг доктора, который в то время был уже профессором медицины и ректором университета. Я окончил университет, а потом еще на долгое время задержался в Старом Свете, совершенствуя свои знания и проводя научные изыскания. Получил профессорское звание. Четыре года назад, когда я понял, что теперь обладаю достаточными знаниями и что процесс обучения может быть бесконечным, так как нет предела совершенству, я вернулся на родину, чтобы принести пользу своему народу.

– И вы построили этот госпиталь?

– Не сам, средства изыскал совет племени, но в принципе это так. Это не просто госпиталь. Это своего рода наш медицинский университет, где я делюсь своими знаниями с юношами и девушками, готовыми связать с медициной свою жизнь. Здесь же находится моя лаборатория, я состою в активной переписке с моими коллегами в столице Рустинии. Правда, корреспонденция идет слишком долго, но это все же лучше изоляции. За прошедшие годы я успел добиться многого. Без ложной скромности должен вам заявить, что стараниями нашего госпиталя удалось спасти уже не одну сотню жизней. Сюда направляют больных со всех родов, если шаманы сомневаются в своих возможностях. Это заслуга Высокой Горы. Он за годы моего отсутствия взял много власти в племени и способен спросить с нерадивого. Сегодня шаманы все еще занимают основную нишу в оказании медицинской помощи, но еще пара лет – и мои ученики их значительно

потеснят.

– Кстати, нам очень неприятно, что мы выжили ваших подопечных, как и сестер милосердия. Может, уже пора им вернуться в свое помещение? – смущенно закинул пробный камень Сергей.

– Пока нет. Высокая Гора еще не решил, как стоит поступить с вами.

– А как же Хват?

– Он отправился в гости к своей новой родне, и там они присмотрят за ним. Не стоит так реагировать. До сегодняшнего дня все происходящее в землях куроки было только слухами, а вы многое уже знаете доподлинно. Мы же заинтересованы пока хранить все в тайне. Вряд ли белые отнесутся с пониманием к происходящему здесь, и король Рустинии, несмотря на свой прозорливый ум, вовсе не исключение. К сожалению, никто не заинтересован в сохранении племен. Одни хотят нас истребить, другие – растворить в себе, но никому не нужны сильные и свободные племена пинков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.